

КЭСС МОРГАН

СОТНЯ

СОТНЯ
ДЕНЬ 21

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ
ВОССТАНИЕ

ВПЕРВЫЕ: ВСЕ ЧЕТЫРЕ ЧАСТИ КУЛЬТОВОЙ АНТИУТОПИИ,
ПО КОТОРОЙ СНЯТ ЗНАМЕНИТЫЙ ТЕЛЕСЕРИАЛ

«THE 100»,
В ОДНОЙ КНИГЕ!

Сотня

Кэсс Морган

**Сотня: Сотня. День 21.
Возвращение домой**

«Издательство АСТ»

2013, 2014, 2016

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)

Морган К.

Сотня: Сотня. День 21. Возвращение домой / К. Морган —
«Издательство АСТ», 2013, 2014, 2016 — (Сотня)

ISBN 978-5-17-122133-1

Уцелевшие после атомной войны люди переселились на космические корабли, но вечно так продолжаться не может, и человечество, веря, что ядерная зима закончилась, мечтает вернуться на родную планету. Для начала решено поставить эксперимент: сотню трудных подростков отправляют на Землю с целью заново колонизировать ее. Бывшие малолетние преступники становятся вожаками, отстояв свои права. Казалось бы, опасность миновала и жизнь начинает налаживаться, но тут возникает новая угроза: секта фанатиков пытается спасти разоренную войнами планету... уничтожив все ее население.

УДК 821.111

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-17-122133-1

© Морган К., 2013, 2014, 2016
© Издательство АСТ, 2013, 2014, 2016

Содержание

Сотня	6
Глава 1. Кларк	7
Глава 2. Уэллс	11
Глава 3. Беллами	16
Глава 4. Гласс	20
Глава 5. Кларк	25
Глава 6. Уэллс	31
Глава 7. Беллами	37
Глава 8. Гласс	41
Глава 9. Кларк	47
Глава 10. Беллами	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Кэсс Морган

Сотня: Сотня. День 21. Возвращение домой

Kass Moragan

The 100. Day 21. Homecoming. Rebellion

© 2013, 2014, 2016 by Alloy Entertainment

© Юлия Межова, обложка, 2020

© Ольга Кидвати, Ирина Нечаева, перевод, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Сотня

Эта книга – плод воображения автора. Все имена, персонажи, места и ситуации вымышлены. Любые совпадения с реальными событиями, географическими объектами и людьми, как умершими, так и ныне здравствующими, являются случайностью.

Моим родителям, дедушкам и бабушкам с любовью и благодарностью посвящается.

Глава 1. Кларк

Дверь отъехала в сторону, и Кларк поняла: пришло время умирать. Взгляд остановился на ботинках охранника, и девушка ощутила приступ страха, вернее – отчаянной, неконтролируемой паники. Но когда она приподнялась на локте (рубашка нехотя отклеилась от пропотевшей койки), единственным ее чувством стало облегчение.

Кларк перевели в изолятор после нападения на охранника, но для нее не существовало понятия одиночного заключения: голоса она слышала везде. Голоса зывали из темных углов ее узилища, заполняли паузы между двумя ударами сердца, вопили в самых глубоких тайниках сознания. Не то чтобы Кларк жаждала погибнуть, но если смерть была единственным способом заставить их замолчать – что ж, тогда она готова умереть.

Кларк посадили в Тюрем за особо тяжкое преступление, но правда была много ужаснее, чем можно вообразить. Даже если каким-то чудом после пересмотра дела ее помилуют, легче не станет. Ее воспоминания тяжелее самого сурового заключения.

Охранник кашлянул, прочищая горло, и переступил с ноги на ногу.

– Заключенная номер 319, пожалуйста, встаньте.

Он был моложе, чем она ожидала. Долговязая фигура терялась под свободной униформой, выдавая в ее обладателе новобранца. Несколько месяцев на усиленном военном пайке оказалось недостаточно, чтобы изгнать призрак недоедания, вечно преследовавший Уолден и Аркадию, нищие корабли Колонии.

Кларк глубоко вздохнула и поднялась на ноги.

– Вытяните руки вперед, – сказал охранник, извлекая из кармана своего синего мундира металлические наручники. Девушка вздрогнула, когда он коснулся ее кожи: с тех пор как ее бросили в изолятор, она не видела ни одной живой души, и тем более не ощущала ничьих прикосновений. – Слишком туго? – резко спросил охранник, но в его тоне сквозила нотка сострадания, кольнувшая сердце Кларк. Слишком много времени прошло с тех пор, как Талия – ее бывшая сокамерница и единственный во всем белом свете друг – ей сочувствовала.

Кларк покачала головой.

– А теперь присядьте на кровать. Доктор вот-вот будет.

– Они сделают это прямо тут? – хрипло спросила Кларк: слова словно скребли ей горло. Визит доктора мог означать только одно: отказ в пересмотре дела. Что ж, удивляться тут нечему.

По закону Колонии, взрослых казнили сразу после вынесения приговора, а подростков содержали в Тюреме, пока им не исполнится восемнадцать, после чего давали еще один шанс на правосудие. Но в последнее время приговор приводили в исполнение через несколько часов после повторного рассмотрения дела. На казнь шли даже те, кто еще несколько лет назад мог смело рассчитывать на помилование.

Однако поверить в то, что они сделают это прямо в ее камере, было трудно. Как ни странно, Кларк предвкушала последний поход в больницу, где так много времени провела, будучи студенткой-медичкой. Это был ее последний шанс почувствовать нечто привычное, знакомое – пусть даже это всего лишь запах дезинфекции и гул системы кондиционирования – прежде чем она навсегда утратит способность что-либо ощущать.

Избегая встречаться с ней глазами, охранник произнес:

– Просто сядьте.

Кларк сделала несколько маленьких шажков и напряженно опустилась на самый краешек своей узкой койки. Хотя она знала, что одиночество искажает восприятие времени, ей все равно трудно было поверить, что она отсидела в этой камере – совсем одна – почти шесть месяцев. Год, проведенный с Талией и их третьей сокамерницей, Лизой (девушкой с суровым

выражением лица, за все время улыбнувшейся один-единственный раз: это произошло, когда уводили Кларк), казался вечностью. Но иного объяснения происходящему просто не было. Сегодня ее восемнадцатый день рождения, и ей уготован единственный подарок: шприц, который вызовет паралич всех мышц. И ее сердце перестанет биться. А потом, как это принято в Колонии, безжизненное тело отправят в космос, и оно будет всю оставшуюся вечность дрейфовать по Галактике.

В дверях выросла человеческая фигура, и в камеру шагнул высокий, стройный мужчина. Его длинные седые волосы падали на плечи, частично закрывая значок на воротнике белого халата, но Кларк не нуждалась в знаках различия, чтобы узнать в пришедшем главного медицинского координатора Совета. Перед тем как ее арестовали, она почти год училась у доктора Лахири и бесчисленное количество часов провела рядом с ним во время хирургических операций. Остальные стажеры завидовали ей и жаловались на кумовство, ведь доктор Лахири – один из ближайших друзей отца Кларк. Ну, или был им до тех пор, пока ее родителей не казнили.

– Привет, Кларк, – любезно приветствовал он девушку, словно они встретились в больничной столовой, а не в тюремной камере-одиночке. – Ну как ты себя чувствуешь?

– Думаю, гораздо лучше, чем буду минут через десять.

Раньше доктор Лахири всегда улыбался мрачным шуткам Кларк, но сегодня он вздрогнул и повернулся к охраннику:

– Не могли бы вы снять с нее наручники и дать нам пару минут? Пожалуйста.

Охранник пожегся:

– Я не имею права оставлять ее без присмотра.

– Вы можете подождать прямо за дверью, – подчеркнуто терпеливо произнес доктор Лахири. – Это всего лишь безоружная семнадцатилетка. Я думаю, что смогу контролировать ситуацию.

Избегая взгляда Кларк, охранник снял с нее наручники, кивнул доктору Лахири и вышел.

– Вы, наверно, хотели назвать меня безоружной восемнадцатилеткой, – выдавливая подлое улыбки, сказала Кларк. – Или вы превратились в одного из безумных ученых не от мира сего и не знаете, какой год стоит на дворе?

Именно таким был ее отец. Он забыл запрограммировать суточный цикл освещения их квартиры и, в конце концов, стал ходить на работу к четырем часам утра, слишком погруженный в свои исследования, для того чтобы заметить полное отсутствие людей в коридорах корабля.

– Тебе все еще семнадцать, Кларк, – в голосе доктора Лахири звучали те спокойные, медлительные нотки, которые он обычно приберегал для очнувшихся от наркоза пациентов. – Ты провела в камере-одиночке три месяца.

– Тогда что вы тут делаете? – спросила Кларк, не в силах скрыть вновь охватившую ее панику. – Закон гласит, что вы должны дождаться моего восемнадцатилетия.

– Наши планы несколько изменились. Это все, что я уполномочен сказать.

– Значит, вы уполномочены казнить меня, но разговаривать со мной вам нельзя?

Она вспомнила, как наблюдала за доктором Лахири во время суда над ее родителями. Тогда она думала, что его мрачное лицо выражает неодобрение происходящего, но теперь не была в этом уверена. Он ничего не сказал в их защиту, ни единого слова. Просто сидел и молчал, когда Совет признал ее родителей – двух самых блестящих ученых Феникса – виновными в нарушении Доктрины Геи. Так назывался свод правил, установленных после Катаклизма для выживания человеческой расы.

– А как насчет моих родителей? Их тоже убили вы?

Доктор Лахири закрыл глаза, как будто слова, произнесенные Кларк, перестали быть звуком и преобразились во что-то видимое. Видимое и уродливое.

– Я здесь не для того, чтобы убить тебя, – тихо сказал он, потом открыл глаза и указал на стул в изножье кровати. – Я могу присесть?

Когда Кларк не ответила, доктор Лахири прошел немного вперед и уселся так, чтобы видеть ее лицо.

– Пожалуйста, позволь мне взглянуть на твою руку.

Кларк почувствовала, как сдавило ее грудную клетку, и сделала над собой усилие, чтобы вдохнуть. Он лгал ей. Все происходящее казалось ночным кошмаром, но должно было вот-вот закончиться раз и навсегда.

Она протянула ему руку. Доктор Лахири достал из кармана сверток, резко пахнущий антисептиком. Кларк вздрогнула, когда он коснулся внутренней стороны ее запястья.

– Не беспокойся, больно не будет.

Кларк закрыла глаза, вспоминая полный муки взгляд Уэллса, устремленный ей вслед, когда ее под конвоем уводили из зала Совета. Гнев, сжигавший девушку изнутри во время судебного разбирательства, давно угас, но от мыслей об Уэллсе в ее теле по-прежнему поднималась горячая пульсирующая волна. Так умирающая звезда, прежде чем кануть в небытие, вспыхивает последний раз.

Ее родители мертвы, и это его вина.

Доктор Лахири взял ее за руку, его пальцы искали ее вену.

До скорой встречи, мама и папа.

Его пальцы сжались сильнее.

Во внутреннюю сторону запястья вонзилась игла, и Кларк глубоко вздохнула.

– Ну вот, все готово.

Глаза Кларк распахнулись сами собой. Она посмотрела вниз и увидела металлический браслет, плотно охвативший ее руку. Девушка провела по нему пальцем и вздрогнула, когда в ее кожу вонзилась дюжина крохотных игл.

– Что это? – спросила она, отстраняясь от доктора. В ее голосе послышалось безумие.

– Просто расслабься, – отстраненно произнес доктор. – Это витальный ретранслятор. Чтобы отслеживать твоё дыхание, состав твоей крови и собирать всю полезную информацию.

– Полезную для кого? – спросила Кларк, уже предчувствуя ответ, ее внутренности словно сжались от ужаса и дрожали.

– Впереди грандиозные события, – сказал доктор Лахири. Это прозвучало, как неудачная подделка речи отца Уэллса, Канцлера Яха, в День Памяти павших. – Ты должна гордиться. Этим ты сможешь помочь своим родителям.

– Моих родителей казнили за измену.

Доктор Лахири бросил на нее неодобрительный взгляд. Год назад такой взгляд заставил бы ее сгореть со стыда, но сейчас она выдержала его и глазом не моргнув.

– Не надо все портить, Кларк. Тебе дали шанс загладить своими поступками ужасные преступления твоих родителей.

Кулак Кларк врезался в лицо доктора Лахири, послышался негромкий треск, сменившийся глухим стуком, когда его голова ударилась о стену. Буквально через секунду в камере возник охранник, и руки Кларк оказались скручены за спиной.

– Сэр, с вами все в порядке? – спросил охранник.

Доктор Лахири медленно сел, потирая челюсть. Он смотрел на Кларк одновременно с гневом и любопытством.

– Теперь мы по крайней мере знаем, что ты сможешь постоять за себя, когда окажешься там в обществе других преступников.

– Там – это где? – буркнула Кларк, пытаясь освободиться от хватки охранника.

– Сегодня мы полностью разгрузим все камеры предварительного заключения, и сотня везучих преступников получит шанс своими руками изменить ход истории. – Его лицо исказила кривая ухмылка. – Вы отправляетесь на Землю.

Глава 2. Уэллс

Канцлер сдал. Хотя Уэллс не виделся с отцом всего шесть недель, но тот за столь краткое время будто состарился на несколько лет. Прибавилось седины на висках, и морщины вокруг глаз залегли глубже.

– В конце концов, ты собираешься рассказать мне, зачем это сделал? – устало спросил Канцлер.

Уэллс поерзал на стуле. Он чувствовал, как истина, словно когтями, разрывает его изнутри. Он отдал бы почти что угодно, лишь бы стереть с отцовского лица выражение разочарования, но не мог рисковать – по крайней мере не раньше чем убедится, что его безрассудный, отчаянный план действительно сработает.

Пряча глаза, Уэллс снова и снова окидывал взглядом комнату, стараясь получше запомнить реликвии, которые он, возможно, видел в последний раз: скелет орла в стеклянной витрине, несколько картин, переживших пожар в Лувре, и фотографии прекрасных мертвых городов, от звука чьих имен по спине Уэллса каждый раз бежали мурашки.

– Как ты посмел? Ты что, выпендривался перед своими дружками?

Консул говорил тем ровным, спокойным тоном, который обычно приберегал для слушаний в Совете, а потом приподнял бровь, чтобы Уэллс понял: настал его черед говорить.

– Нет, сэр.

– Может, у тебя случился приступ временного помешательства? Или дело в наркотиках?

Теперь в голосе Канцлера зазвучали нотки надежды, и в другой ситуации это позабавило бы Уэллса. Но во взгляде отца вновь проступила та смесь усталости и растерянности, которой Уэллс не видел с похорон матери, и это было совсем несмешно.

– Нет, сэр.

Уэллс ощутил мимолетное желание коснуться руки отца, но отнюдь не наручники на запястьях удержали его от того, чтобы потянуться через письменный стол. Даже когда они стояли вокруг внешнего шлюза, чтобы сказать последнее тихое «прости» матери Уэллса, он не смог бы преодолеть эти несчастные шесть дюймов, что их разделяли. Они с отцом были словно два магнита – взаимные обвинения отталкивали их друг от друга, как полюса с одинаковым зарядом.

– Возможно, это была какая-то политическая декларация? – От этой мысли отец поморщился, словно пропустив удар. – Тебя подбил на это кто-нибудь с Уолдена или Аркадии?

– Нет, сэр, – повторил Уэллс, сдерживая возмущение.

Похоже, последние шесть недель отец пытался представить себе его в образе какого-то бунтаря, перекраивая свои воспоминания, чтобы понять, как сын, в недавнем прошлом блестящий студент, а ныне – кадет высшего ранга, совершил самое громкое в истории правонарушение. Однако даже знание истины вряд ли помогло бы отцу справиться с шоком. Ничто не могло оправдать в глазах Канцлера поджог Райского Древа, саженец которого принесли на Феникс прямо перед Исходом. Но Уэллс посчитал, что у него не было другого выхода. Он должен был что-то сделать, чтобы присоединиться к отправляющейся на Землю сотне, потому что узнал, что в ее состав вошла Кларк. А поскольку он был сыном Канцлера, в Тюрьму его могло привести лишь громкое, резонансное правонарушение.

Уэллс помнил, как шел через толпу, собравшуюся на Церемонию Поминовения, ощущая на себе взгляды тысячи глаз, как дрожала его рука, когда он вытащил из кармана зажигалку, и тьму озарила яркая вспышка. Несколько мгновений все молча смотрели, как Древо охватывает пламя. Поэтому, когда во внезапно воцарившемся хаосе охранники рванулись вперед, невозможно было не понять, кого именно они схватили.

– Что ты, черт возьми, себе думал? – спросил Канцлер, недоверчиво глядя на сына. – Зал мог выгореть целиком, и все люди погибли бы.

Наверное, лучше было бы соврать. Отцу легче будет думать, что Уэллса взяли на «слабо». Или, может быть, лучше прикинуться, что он был под кайфом? Любой из этих сценариев устроит Канцлера куда больше, чем истина, которая заключается в том, что его сын поставил все на карту ради девушки.

Дверь госпиталя уже закрылась за ним, но улыбка Уэллса оставалась на месте, она словно вмерзла в лицо, как будто усилие, с которым он поднял уголки губ, повредило какие-то мышцы. Но, наверное, маме, чье зрение было затуманено наркотиком, этот оскал казался настоящей улыбкой, а теперь имело значение только это. Мама держала Уэллса за руку, а из него изливалась ложь, горькая, но безвредная. *Да, у нас с папой все в порядке.* Маме незачем знать, что они с отцом за неделю едва ли перекинулись несколькими фразами. *Когда тебе станет лучше, мы дочитаем «Упадок и гибель Римской Империи».* Они оба знали, что ей никогда не добраться до последней страницы.

Выскользнув из госпиталя, Уэллс начал прохаживаться туда-сюда по палубе В, которая, к счастью, пустовала: в этот час большинство людей находилось на учебе, на работе или в Обменнике. Сам он тоже должен сидеть на лекции по истории: еще недавно это был его любимый предмет. Ему всегда нравились рассказы о древних городах вроде Рима или Нью-Йорка, блистательное величие которых могло сравниться разве что с их падением. Но сейчас он не смог бы провести два часа среди однокашников, забрасывающих его мессенджерами, полными неловких, путаных слов сочувствия. Единственным человеком, с которым он мог говорить о матери, была Гласс, но в последнее время она как-то странно отдалилась.

Уэллс толком не понял, сколько времени он уже стоит у двери, но было ясно, что ноги принесли его в библиотеку. Он позволил сканеру идентифицировать сетчатку его глаза, дождался запроса и прижал подушечку большого пальца к панели. Дверь отъехала в сторону ровно настолько, чтоб Уэллс мог проскользнуть в образовавшуюся щель, а потом с сердитым стуком вернулась на место. Она словно бы сделала Уэллсу большое одолжение, допустив его в святая святых.

Юноша глубоко вздохнул, когда над ним сомкнулась кишачая тенью тишина. Книги, перед Катаклизмом эвакуированные на Феникс, хранились в высоких бескислородных контейнерах, которые значительно замедляли процессы изнашивания. Читать их разрешалось только в библиотеке и не более нескольких часов подряд. В этом огромном помещении не был настроен суточный цикл освещения: тут царили вечные сумерки.

Именно в библиотеке, сколько себя помнил Уэллс, они с матерью проводили воскресные вечера. Пока он был совсем малышом, мама читала ему вслух, а когда он подрос, они сидели тут бок о бок каждый со своей книгой. Когда мамина болезнь перешла в наступление и ее стали терзать головные боли, Уэллс начал читать ей книги вслух. Накануне того дня, когда маму госпитализировали, они как раз приступили ко второму тому «Упадка и гибели Римской Империи».

По петляющим узким проходам он пробрался вначале в секцию английского языка, а потом оказался в историческом отделе, который находился в дальнем темном углу. Собрание исторических книг было меньше, чем следовало бы. Первое колониальное правительство снабдило Феникс прекрасной электронной библиотекой, но меньше чем через сто лет ее почти целиком уничтожил вирус. Книги остались только в частных собраниях и стали фамильными реликвиями, которые переходили от первых колонистов к их потомкам. А в последнее столетие большинство этих книг было передано в дар библиотеке.

Уэльс присел, чтобы его глаза оказались на одном уровне со сканером, прижал палец к замку, и стекло скользнуло в сторону, сопровождаемое шипением: это воздух устремился в контейнер, заполняя вакуум. Он потянулся было внутрь за «Упадком и гибелью», но вдруг

остановился. Он хотел бы почитать про Рим, а потом рассказать об этом маме, но поступить так было равносильно тому, чтобы заявиться в ее палату с мемориальным надгробием и предложить вместе подумать над эпитафией.

– Нельзя держать контейнер открытым, – вдруг прозвучало за его спиной.

– Да, спасибо, – Уэллс произнес эти слова резче, чем ему хотелось бы.

Выпрямившись, он повернулся и увидел девушку, студентку-медику из больницы. Она глядела прямо на него, и Уэллс почувствовал вспышку гнева: от этой встречи произошло смешение двух его миров. Ведь библиотека была местом, куда он приходил, чтобы забыть о тошнотворном запахе антисептиков и пiske монитора сердечного ритма, чтобы не видеть признаков той жизни, в которой, кажется, уже пошел обратный отсчет и которая неумолимо двигалась к смерти.

Девушка отступила на шаг и вскинула голову, отчего ее длинные волосы упали на одну сторону.

– Ах, это ты.

Уэллс думал, что, узнав его, она придет в дикий восторг и немедленно начнет передавать сообщения друзьям через транслятор на сетчатке глаза. Ее выдало бы движение глазных яблок, но глаза девушки смотрели прямо на него, она словно заглядывала в его мозг, вычлняя потаенные мысли, которые Уэллс старательно скрывал ото всех.

– Почему ты не хочешь взять эту книгу? – кивнула она в сторону полки, хранившей «Упадок и гибель».

Уэллс тряхнул головой.

– Я почитаю ее в другой раз.

Мгновение девушка молчала.

– Я думаю, тебе нужно взять ее сейчас.

Уэллс лишь сжал челюсти и ничего не сказал. Она продолжила:

– Я видела тебя здесь вместе с твоей матерью. Ты должен отнести ей эту книгу.

– То, что мой отец член Совета, еще не означает, что я стану нарушать правила, которым уже триста лет, – сказал он, подпустив в свой тон лишь каплю снисходительности.

– За несколько часов с книгой ровным счетом ничего не случится. Вред воздуха сильно преувеличен.

Уэллс приподнял бровь:

– А возможности сканера, который стоит на выходе, тоже сильно преувеличены?

Большинство дверей в Фениксе были оборудованы сканерами, каждый из которых был особым образом запрограммирован для выполнения определенных задач. Библиотечные сканеры исследовали каждого выходящего на молекулярном уровне, чтобы убедиться, что он не держит книгу в руках или не прячет ее под одеждой.

На ее лице мелькнула улыбка.

– Я давным-давно это поняла, – она глянула через плечо на темный проход между книжными контейнерами, сунула руку в карман и извлекла оттуда кусок серой ткани. – Это помогает сканеру распознать содержащуюся в книге целлюлозу. – Она протянула ткань Уэллсу. – Ну же, бери.

Уэллс сделал шаг назад. Вероятность того, что девушка пудрит ему мозги, была очень высока. Куда выше вероятности, что она таскает в кармане кусок ткани, из которой шьют шапки-неведимки.

– Зачем она тебе?

Она пожала плечами:

– Мне нравится читать в других местах.

Когда он ничего не ответил, она улыбнулась и протянула к нему вторую, свободную, руку:

– Давай сюда книжку. Я стащу ее для тебя и принесу в больницу.

Удивив самого себя, Уэллс передал ей книгу.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Чтоб ты знал, перед кем отныне будешь в вечном долгу?

– Чтоб я знал, кому сказать спасибо, когда меня арестуют.

Девушка сунула книгу под мышку и протянула ему руку для пожатия:

– Кларк.

– Уэллс, – сказал он и, шагнув вперед, сжал ее руку.

Он улыбнулся. На этот раз в его улыбке не было боли.

– Дерево едва удалось спасти.

Канцлер уставился на Уэллса, словно ища признаки раскаяния или, наоборот, ликования – хоть чего-нибудь, что помогло бы понять, почему его сын сделал попытку сжечь единственное живое дерево, вывезенное с разоренной планеты.

– Ты знаешь, что некоторые члены нашего Совета хотели казнить тебя на месте, и плевать им было, совершеннолетний ты там или нет? Мне удалось спасти твою жизнь, только заручившись их согласием на то, чтобы отправить тебя на Землю.

Уэллс облегченно вздохнул. В Тюрьме содержалось менее ста пятидесяти подростков, и он предполагал, что на Землю отправят самых старших, но до настоящего момента ни в чем не был уверен.

Отец посмотрел на Уэллса, и его глаза расширились, в них появилось удивление и понимание:

– Так ты этого добивался?

Уэллс кивнул.

Лицо Канцлера исказила гримаса.

– Если бы я знал, что тебе так приспичило увидеть Землю, то легко бы все устроил. Ты мог бы принять участие во второй экспедиции, как только мы убедились бы, что это безопасно.

– Я не хотел ждать. Я хочу отправиться туда в первой сотне.

Канцлер слегка прищурился, критически глядя в бесстрастное лицо сына.

– Почему? Ты же лучше большинства знаешь, как это рискованно.

– При всем уважении, именно ты – тот человек, который убедил Совет, что ядерная зима закончилась. Именно ты сказал, что экспедиции уже ничего не грозит.

– Да, не грозит. Земля достаточно безопасна для сотни осужденных преступников, которые так или иначе приговорены к смерти. – Тон Канцлера был одновременно покровительственным и недоверчивым. – Я не имел в виду, что она безопасна для моего сына.

Уэллс задохнулся от вспыхнувшего гнева, который испепелил возникшее было чувство вины. Он тряхнул руками, и наручники громыхнули, задев спинку стула:

– Вроде бы теперь я один из преступников, разве нет?

– Твоя мать не одобрила бы этого, Уэллс. То, что она грезила о Земле, вовсе не означает, что ей хотелось бы подвергнуть тебя такому риску.

Уэллс подался вперед, не обращая внимания на впившийся в плоть металл.

– Я делаю это не ради нее. – Впервые за весь разговор он поглядел отцу прямо в глаза. – Хотя я думаю, что мама гордилась бы мной.

Отчасти это было правдой. Его мать была не чужда романтике, и она наверняка высоко оценила бы стремление сына оберегать любимую девушку. Однако его желудок сжался при мысли о том, что было бы, если бы мама узнала, какой именно поступок он совершил для спасения Кларк.

Отец вытаращился на него:

– Ты хочешь сказать, что затеял все из-за той девушки?

Уэллс медленно кивнул.

– Это я виноват в том, что ее отправляют туда, будто лабораторную крысу. Я хочу, чтобы у нее были все шансы выжить.

Несколько секунд Канцлер хранил молчание. Но, когда он снова заговорил, его голос был спокоен:

– В этом не будет никакой необходимости. – Канцлер вытащил из ящика стола какую-то вещь и положил ее перед сыном. Это был металлический браслет с чипом, размером с большой палец Уэллса. – Каждый участник экспедиции уже получил по такому браслету, – объяснил отец. – Браслеты будут передавать на корабль данные о здоровье своего хозяина и о том, где он находится. Так мы сможем отслеживать состояние каждого из вас. Как только у нас появятся доказательства того, что окружающая среда планеты благоприятна, мы начнем колонизацию. Повторное заселение. – Он выдавил из себя мрачную улыбку. – Если все пойдет по плану, уже совсем скоро мы к вам присоединимся, и все это, – он указал на скованные руки Уэллса, – будет забыто.

Дверь отворилась, и через порог переступил охранник.

– Сэр, время истекло.

Канцлер кивнул, охранник пересек комнату и поднял Уэллса на ноги.

– Удачи тебе, сынок, – сказал отец со своей фирменной грубоватостью. – Если кто-то и способен добиться успеха в этой миссии, так это ты.

Он машинально протянул Уэллсу руку для пожатия, но тут же опустил ее, осознав свою ошибку. Руки его единственного ребенка были скованы за спиной наручниками.

Глава 3. Беллами

Конечно, этот самодовольный ублюдок опоздал. Беллами в нетерпении притопывал ногой, не заботясь о том, что эхо от звука гуляет по всему складу. Сюда никто никогда не приходил, потому что все мало-мальски ценное сперли много лет назад. На всех горизонтальных поверхностях громоздился всякий хлам – запчасти для механизмов, назначение которых давным-давно позабыто, бумажные деньги, клубки проводов и кабелей, треснувшие мониторы и другие бесполезные предметы.

Беллами почувствовал у себя на плече чью-то руку и резко развернулся, вскинув кулак, чтобы заблокировать удар, одновременно уводя корпус в сторону.

– Расслабься, мужик, – прозвучал голос Колтона. Яркий свет фонарика ударил Беллами прямо в глаза. С довольным выражением на длинной, узкой физиономии Колтон окинул Беллами взглядом. – С чего это тебе захотелось встретиться именно тут? – Он ухмыльнулся. – Ищешь тропическое жесткое порно на допотопных сломанных компьютерах? Не осуждаю. Если бы я завис на чем-то таком с уолденской девчонкой, наверно, обзавелся бы парочкой новых дурных привычек.

Беллами проигнорировал выпад. Хоть его бывший друг и выступал теперь в роли охранника, шансов с девушками у него не было. Хоть на Уолдене, хоть на любом другом корабле.

– Просто скажи мне, что происходит, о'кей? – сказал Беллами, изо всех сил стараясь, чтобы его слова звучали доброжелательно.

Колтон прислонился к стене и улыбнулся.

– Не позволяй униформе тебя одурачить, братишка. Я еще не забыл первое правило бизнеса. – Он протянул руку: – Давай сюда.

– Ты меня с кем-то путаешь, Колт. Ты должен бы знать, что я всегда довожу дело до конца. – Беллами похлопал по карману, где лежал чип, загруженный краденными рациональными баллами. – А теперь скажи мне, где она.

Охранник ухмыльнулся, и Беллами почувствовал, как что-то сжалось в его груди. Он дал Колтону взятку в обмен на информацию об Октавии, о том, что с ней случилось после ареста, а этот придурак, кажется, на седьмом небе от того, что принес дурные вести.

– Их отправляют сегодня. – Эти слова молотом ударили в грудь Беллами. – На одном из старых челноков, которые стоят на палубе G, – и он снова протянул руку. – А теперь давай сюда. Это сверхсекретная информация, и я рисковал для тебя своей задницей. Я не прикалываюсь.

Перед глазами Беллами пронеслись картины, от которых внутри у него все сжалось. Он представил себе свою маленькую сестренку связанной, в старинной металлической клетке, мчащейся сквозь космос со скоростью многих тысяч километров в час. Представил, как багровеет ее личико, когда она пытается вдохнуть токсичный воздух. Представил ее неподвижное искореженное тело...

Беллами шагнул вперед.

– Я сожалею, мужик.

Колтон прищурился:

– О чем?

– Вот о чем! – Беллами коротко замахнулся и ударил охранника в челюсть.

Что-то громко треснуло, но, глядя, как оседает на пол тело Колтона, он ничего не почувствовал, только сердце бешено заколотилось в его груди.

Спустя полчаса Беллами пытался понять развернувшуюся перед ним сцену. Прижавшись спиной к стене, он стоял в широком коридоре, от которого начинался наклонный трап. По нему, сопровождаемый горсткой охранников, шел поток заключенных в серых куртках. Внизу

их ждал челнок – странная цилиндрическая штукавина, оснащенная рядами сидений, – который должен был доставить бедных растерянных детей на Землю.

Все это казалось полным безумием, но Беллами подумал, что альтернатива еще хуже. Повторные суды с пересмотром дела, которые проводились в день восемнадцатилетия, в большинстве случаев признавали подсудимых виновными. Во всяком случае, так было весь последний год. Если бы не экспедиция, эти ребята могли бы уже начинать обратный отсчет времени, оставшегося до казни.

Беллами внутренне сжался, когда его глаза переметнулись на второй трап: он на миг испугался, что пропустил Октавию. Впрочем, это не имело значения, ведь они с сестренкой увидятся на борту. Теперь уже скоро они снова будут вместе.

Беллами обдернул рукава снятой с Колтона гимнастерки. Она едва на него налезла, однако никто из охранников не обращал внимания на то, что униформа Беллами явно с чужого плеча. Все взгляды были направлены к основанию трапа: там Канцлер Яха обращался к пассажирам с речью.

– Вам дана беспрецедентная возможность навсегда расстаться со своим преступным прошлым, – говорил Канцлер. – Миссия, с которой вы отправляетесь, опасна, но ваша отвага будет вознаграждена. Если вы добьетесь успеха, ваши правонарушения будут преданы забвению и вы сможете начать новую жизнь на Земле.

Беллами едва удержался от презрительного смеха. Канцлеру явно нужна была изрядная доля нахальства, чтобы стоять тут и нести эту ахинею, которая, наверно, помогает ему спокойно спать по ночам.

– Чтобы обеспечить вашу безопасность, мы будем очень пристально следить за вами, – продолжил Канцлер, когда следующая десятка заключенных сошла по трапу в сопровождении охранника; тот четко отсалютовал Канцлеру, проследил за посадкой заключенных в челнок и отступил назад в коридор.

Беллами поискал глазами в толпе Люка, единственного известного ему человека с Уолдена, который не превратился в полное дерьмо, надев униформу охранника. Однако на стартовой площадке присутствовала едва ли дюжина охранников: Совет явно решил, что секретность важнее безопасности.

Он изо всех сил старался не переступать в нетерпении с ноги на ногу, наблюдая, как движется по трапу поток заключенных. Если кто-то заметит, что он лишь выдает себя за охранника, его арестуют, и список, который ему инкриминируют, будет бесконечным: подкуп, шантаж, присвоение чужих личных данных... и вдобавок любые прегрешения, которые Совет пожелает добавить к этому коктейлю. А ведь ему уже двадцать, поэтому для него не будет никакой Тюрьмы. Он станет трупом раньше, чем закончатся сутки.

Вдруг сердце Беллами сжалось: в дальнем конце коридора появилась знакомая красная ленточка, выглядывающая из массы блестящих черных волос. Октавия.

Все эти десять месяцев его терзали мучительные мысли о том, что с ней происходит в Тюрьме. Получает ли она достаточно пищи? Удастся ли ей чем-то занять себя? В здравом ли она уме? Тюрьма безжалостна к каждому, но Беллами знал, что Октавии придется там гораздо хуже, чем любому другому.

Беллами тратил много усилий на воспитание младшей сестренки. Во всяком случае, он старался. После несчастного случая с их матерью Октавия оказалась на попечении Совета. Как поступать в таких случаях с братьями и сестрами, было непонятно: прецедента не существовало, ведь по закону в семье должно было быть не более одного ребенка. Некоторым вообще не позволялось заводить детей – поэтому никто в Колонии не мог понять, что значит иметь брата или сестру. Несколько лет Беллами и Октавия жили то в одном, то в другом детском центре, но Беллами всегда приглядывал за сестричкой, тайком подкармливал ее, когда удавалось пробраться в какой-нибудь закрытый распределитель, и защищал от жестоких старших девчонок,

для которых было забавой дразнить пухлощекую сиротку с большими голубыми глазами. Беллами постоянно беспокоился о сестре. Она была особенным ребенком, и Беллами должен был приложить все усилия, чтобы дать ей шанс на другую, лучшую, жизнь. Чтобы компенсировать то, что ей пришлось пережить.

Когда охранник провел Октавию по трапу, Беллами подавил улыбку. Остальные подростки безучастно плелись сзади, подстраиваясь под походку сопровождающих, но Октавия – это было ясно – сама задавала темп. Она двигалась не спеша, прогулочным шагом, вынуждая охранника ступать не так широко. Сестренка действительно выглядела *лучше*, чем во время их последней встречи. Беллами решил, что это неудивительно: она была приговорена к четырем годам в Тюрем, а потом новый суд, скорее всего, отправил бы ее на казнь. Теперь же ей давался новый шанс на жизнь. И Беллами намеревался, черт возьми, сделать все, чтобы она им воспользовалась наилучшим образом.

Его не волновало, прав он или нет. Он отправляется вместе с ней на Землю.

Голос Канцлера рокотал над шумом шагов и нервным шепотом. Канцлер до сих пор держался как солдат, хотя за годы в Совете и приобрел лоск политического деятеля.

– Никто в Колонии не знает, что вам придется делать, но, если вы добьетесь успеха, все мы будем обязаны вам жизнью. Я знаю, что вы сделаете все от вас зависящее – ради самих себя, своих семей, ради каждого на борту этого корабля, а значит, ради всей человеческой расы.

Когда взгляд Октавии остановился на Беллами, она удивленно приоткрыла рот. Он видел, как ее ум напряженно пытается разобраться в ситуации. Они оба знали, что его никогда не отобрали бы в охранники, а это означало, что сейчас он выдает себя за другого.

Но, как только она начала одними губами шептать предупреждения, Канцлер повернулся, чтобы обратиться к заключенным, которые все еще спускались по трапу. Октавия нехотя отвернулась, но Беллами видел, как напряжены ее плечи.

Его сердце забилося быстрее, когда Канцлер закончил свою речь и жестом велел охранникам заканчивать посадку. Ему нужно было угадать подходящий момент. Если он слишком поспешит, охрана успеет вытащить его из челнока, а промедление приведет к тому, что Октавия полетит через космическое пространство к отравленной планете, а он останется, столкнувшись лицом к лицу с последствиями своего безумного поступка.

Наконец пришла очередь Октавии. Обернувшись через плечо, она поймала его взгляд и слегка покачала головой, призывая его не делать глупостей.

Но Беллами делал глупости всю свою жизнь и намерен был оставаться верным себе.

Канцлер кивнул женщине в черной униформе. Та повернулась к расположенной рядом с челноком панели управления и начала набирать какую-то комбинацию клавиш. На экране быстро замелькало множество цифр.

Пошел обратный отсчет.

У него было три минуты на то, чтобы пройти в дверь и сбежать по трапу в челнок. Иначе он навсегда потеряет сестру.

Когда последний пассажир оказался в челноке, настроение в помещении изменилось. Охранники, стоявшие рядом с Беллами, расслабились и стали тихо переговариваться между собой. С другой стороны палубы, там, где находился второй трап, кто-то мерзко гоготнул.

2:48... 2:47... 2:46...

Беллами ощутил прилив гнева, который на миг взял верх над его хладнокровием. Как могут эти засранцы ржать, когда его сестру и девяносто девять других детей отправляют на смертельно опасное задание?

2:32... 2:31... 2:30...

Женщина у панели управления улыбнулась и что-то зашептала Канцлеру, но он нахмурился и отвернулся.

Охранники начали гуськом пятиться по коридору. То ли они считали, что у них есть дела поважнее, чем быть свидетелями первой попытки человечества вернуться на Землю, то ли боялись, что древний челнок взорвется при старте, и хотели поскорее оказаться в безопасном месте.

2:14... 2:13... 2:12...

Беллами сделал глубокий вдох. Пора.

Он протолкался через толпу и скользнул за спину коренастого охранника, кобура которого была небрежно прицеплена к ремню, оставляя на виду рукоять пистолета. Выхватив оружие, Беллами устремился вниз по трапу.

Прежде чем кто-то успел понять, что происходит, Беллами ударил Канцлера локтем в солнечное сплетение и обвил тому шею рукой, зажав ее в захвате. Взлетная палуба взорвалась топотом ног и воплями, но, прежде чем кто-то успел добраться до Беллами, он прижал дуло пистолета к виску Канцлера. На самом деле он ни в коем случае не собирался пристрелить эту сволочь, но охранники не должны были об этом догадаться.

1:12... 1:11... 1:10...

– Все назад! – выкрикнул Беллами, усиливая захват. Канцлер застонал. Раздался громкий сигнал зуммера, и мелькающие зеленые цифры на мониторе сменились красными – до запуска оставалось меньше минуты. Все, что ему нужно было сделать, – это дождаться, когда автоматическая дверь челнока начнет закрываться, оттолкнуть Канцлера с дороги и нырнуть внутрь. Тогда времени, чтобы остановить его, уже не останется.

– Дайте мне зайти в челнок, или я стреляю.

В помещении стояла тишина, которую нарушил лишь звук дюжины взведенных курков.

Ближайшие тридцать секунд должны были решить, полетит он с Октавией на Землю или останется на Уолдене в пластиковом мешке.

Глава 4. Гласс

Гласс только-только защелкнула ремень безопасности, когда снаружи вдруг поднялся шквал криков. Охранники все ближе подбирались к двум фигурам у входа в челнок. За шевелящимися фигурами в униформе было трудно хоть что-то рассмотреть, но девушка увидела, как мелькнул рукав костюма и чья-то седая голова, а потом блеснул металл. После этого половина охранников, припав на колени, вскинула к плечу свои стволы, и Гласс удалось разглядеть, что Канцлера взяли в заложники.

– Все назад, – крикнул парень, который держал пистолет у виска Канцлера. Его голос дрогнул.

На парне была униформа, но он явно не был охранником – волосы были длиннее, чем полагалось по уставу, гимнастерка не подходила по размеру. Он так неловко держал пистолет, что становилось ясно: его никогда не учили обращаться с оружием.

Никто не двинулся с места.

– Я сказал *назад*!

Онемение, возникшее после долгого перехода от камеры до взлетной палубы, растаяло, словно ледяная комета, пролетевшая мимо Солнца, оставив после себя лишь слабый след надежды. Она, Гласс, не имела к этому никакого отношения. Она не могла притворяться, будто они принимают участие в некоем историческом начинании. В тот миг, когда челнок оторвется от взлетной палубы, сердце Гласс разобьется. «Это мой шанс», – внезапно подумала она, разом ощутив восторг и ужас.

Гласс отстегнула ремень безопасности и легко вскочила на ноги. Еще несколько заключенных заметили происходящее, но большинство из них предпочло безучастно наблюдать за драмой, разыгравшейся у трапа. Гласс бросилась в хвостовую часть челнока, туда, где второй трап подкатили обратно к погрузочной палубе.

– Я лечу с ними! – крикнул лжеохранник, отступая на шаг к дверям и волоча за собой Канцлера. – Я лечу со своей сестрой.

Над взлетной палубой воцарилась ошеломленная тишина. *Сестра*. Это слово эхом прозвучало в голове Гласс, но, прежде чем она смогла понять его смысл, знакомый голос вырвал девушку из ее мыслей.

– *Отпусти его*.

Гласс бросила взгляд в заднюю часть челнока и застыла, потрясенная: она увидела лицо своего лучшего друга. Конечно, до нее доходили нелепые слухи о том, что Уэллс оказался в Тюрьме, но она даже не дала себе труда подумать на эту тему дважды. Что он здесь делает? Она заглянула в серые глаза Уэллса – и к ней незамедлительно пришел ответ: он должен попытаться последовать за Кларк. Уэллс сделает все, чтобы защитить людей, о которых он привык заботиться, и в первую очередь это касается Кларк.

А потом вдруг раздался оглушительный треск – выстрел? – и что-то словно лопнуло у нее внутри. Не остановившись, чтобы подумать и отдышаться, она выскочила за дверь и устремилась вверх по трапу, подавив желание оглянуться через плечо. Гласс опустила голову пониже и бежала так быстро, как никогда не бегала за всю свою жизнь.

Она выбрала правильный момент. Несколько мгновений охранники стояли, не шевелясь, словно отголосок выстрела лишил подвижности их суставы.

И только потом они обратили на нее внимание.

– Побег! Заключенный убегает! – крикнул один из них, и все остальные резко повернулись в ее сторону.

Вид бегущего человека пробудил в них инстинкт, заложенный во время тренировок. Не имело никакого значения, что бежала всего лишь семнадцатилетняя девушка. Они были запро-

граммированы так, чтобы не видеть ни струящихся светлых волос, ни огромных синих глаз, при взгляде на которые людям обычно хотелось защитить Гласс. Они видели беглого каторжника, и ничего более.

Гласс бросилась в двери, игнорируя несущиеся ей вслед злобные крики. Она мчалась по коридору, что вел обратно на Феникс, ее грудь вздымалась, а дыхание стало неровным и судорожным. «Эй, ты, замри!» – крикнул охранник. Топот его бегущих ног эхом звучал прямо за ее спиной, но она, конечно, даже не притормозила. Если она будет бежать достаточно быстро, и если удача, которая всегда ускользала от нее, не отвернется в эти последние минуты ее жизни, может быть, она сможет еще раз увидеть Люка. И может быть – только может быть! – она сможет получить его прощение.

Задышавшись, Гласс ввалилась в проход, ведущий к неприметной двери. Ее правое колено подогнулось, и, чтобы не упасть, ей пришлось ухватиться за стену. Коридор поплыл у нее перед глазами. Повернув голову, она с трудом смогла различить контур вентиляционного люка. Гласс подсунула скрюченные пальцы под один из прутьев закрывающей люк решетки и потянула. Ничего не произошло. Застонав, она снова дернула прут и почувствовала, что решетка поддавалась. Она дернула сильнее, и вход в темный узкий туннель, полный каких-то древних труб, наконец открылся.

Гласс подтянулась, встала на небольшой козырек под люком, втиснулась в туннель и ползла на животе, пока наконец не появилась возможность подтянуть колени к груди. Металл охлаждал разгоряченную кожу. Из последних сил Гласс протиснулась еще глубже и вернула решетку на место. Напряженно прислушиваясь, она пыталась уловить шум погони, но не было слышно ни криков, ни топота бегущих ног: тишину нарушал лишь отчаянный стук ее сердца.

Гласс на миг зажмурилась в окружающей тьме и стала подводить итоги. В обе стороны тянулся тесный, очень пыльный туннель. Наверное, она находилась в одной из старых вентиляционных шахт, существовавших еще до того, как Колония построила новые системы, обеспечивающие фильтрацию и циркуляцию воздуха. Гласс понятия не имела, куда ее выведет этот туннель, но выбора не было, и девушка поползла вперед.

Когда она добралась до развилки туннеля, ее колени онемели, а ладони пылали от боли. Если она правильно сориентировалась, левый рукав тянется на Феникс, а правый проложен параллельно крытому мосту и ведет на Уолден. И к Люку.

К Люку. К парню, которого она любила и от которого вынуждена была отказаться несколько долгих месяцев тому назад, к парню, в мыслях о котором проходила каждая ее ночь, проведенная в Тюре, в прикосновениях которого она нуждалась так отчаянно, что порой почти ощущала тяжесть его рук на своих плечах. Она глубоко вздохнула и свернула направо, не зная, куда теперь движется: к свободе или к верной гибели.

Спустя десять минут Гласс тихонько выскользнула из вентиляционного люка на пол. Шагнув вперед, она закашлялась, и вокруг ее лица поднялся столб серой пыли, мигом налипшей на потную кожу. Девушка оказалась в какой-то кладовой. Ее глаза уже привыкли к темноте, поэтому она смогла различить на стене странные письмена. Гласс сделала несколько шагов вперед, и ее глаза расширились. На стене были высечены *эпитафии*.

*Покойся в мире
In memoriam
От звезд к Небесам*

Она находилась на карантинной палубе, в старейшей секции Уолдена. Когда ядерная и бактериологическая войны грозили уничтожить Землю, единственным местом для тех, кому посчастливилось выжить после первых стадий Катаклизма, стал космос. Но некоторые из тех, кто выжил, были инфицированы. Они пробирались в транспортные модули – и обнаружи-

вали, что отрезаны от Феникса. Им оставалось только умереть на Уолдене. Теперь, стоило возникнуть хоть малейшей угрозе инфекционного заболевания, всех заразившихся помещали на карантин и держали в изоляции от остального населения Колонии – в изоляции от последних представителей рода человеческого, беззащитных перед лицом древних хворей.

Вздрагивая, Гласс устремилась к входной двери, молясь, чтоб замки не заржавели. К ее облегчению, они, тихонько щелкнув, открылись, и девушка зашпешила по коридору. Стянув взмокшую от пота куртку и оставшись в белой футболке и тюремных штанах, она стала похожа на одного из сантехников. Во всяком случае, она на это надеялась. Гласс бросила нервный взгляд на запястье – там красовался браслет. Она не была уверена, станет ли он работать на корабле или предназначен лишь для передачи данных с Земли. В любом случае, от него следует как можно скорее избавиться. Даже если она будет избегать проходов, где установлены сканеры сетчатки глаза, браслет все равно выдаст ее охранникам, каждый из которых сейчас занят тем, что ищет ее.

Гласс оставалось только надеяться, что никому и в голову не придет искать ее на Фениксе. Что никто никогда не догадается, куда она пойдет. А сейчас девушка поднималась по главной лестнице Уолдена, пока не оказалась у входа в жилой блок Люка. Войдя в холл, она остановилась, вытирая о штаны внезапно вспотевшие ладони. Неожиданно оказалось, что она нервничает сильнее, чем на челноке. Гласс даже представить не могла, что скажет, как посмотрит на нее Люк, когда она возникнет на его пороге, после того как больше чем девять месяцев тому назад без следа исчезла из его жизни.

Но, может быть, ему не понадобятся слова. Возможно, он не станет дожидаться, когда она начнет говорить. Возможно, едва лишь увидев ее, он просто закроет ей рот поцелуем, и она поймет, что все хорошо. Что она прощена.

Оглянувшись через плечо, Гласс выскользнула за дверь. Вряд ли кто-то мог ее увидеть, однако следовало соблюдать осторожность. Уходить с Церемонии Партнерства, не дождавшись финального благословения, очень невежливо, но Гласс сомневалась, что смогла бы еще хоть минуту высиживать возле Кассиуса с его грязными мыслями и зловонным дыханием. Его беспокойные руки напомнили Гласс Картера, лицемерного соседа Люка, гнилое нутро которого проявлялось, лишь когда сам Люк уходил на ночное дежурство.

Гласс поднималась по лестнице, ведущей на смотровую площадку, не забывая при каждом шаге приподнимать подол платья. Глупо было потратить столько с трудом накопленных рациональных баллов на ткань для этого наряда – он казался бесполезным и ненужным, когда ее не видел Люк.

Гласс была ненавистна сама мысль о том, чтобы провести вечер с каким-то другим парнем, но мать запрещала ей появляться на общественных мероприятиях без пары, а в этот раз, как ей стало известно, дочь была одна. Мать не могла понять, почему Гласс не заарканила Уэллса. Гласс миллион раз объясняла, что любит Уэллса лишь как друга, – но мама только вздыхала и бормотала что-то о дурно одетой заучке, которая увела у доченьки такого прекрасного парня. Сама-то Гласс была просто счастлива, что Уэллс влюбился в симпатичную (хотя, может быть, чересчур серьезную) Кларк Гриффин. И ей очень хотелось рассказать маме всю правду: что она влюблена в красивого, замечательного юношу, который никогда не сможет сопровождать ее на концерт или на Церемонию Партнерства.

– Я могу пригласить вас на танец?

Гласс ахнула и развернулась. Когда ее глаза встретились с другими, хорошо знакомыми карими глазами, девушка расцвела в улыбке.

– Что ты тут делаешь? – прошептала она, озираясь, чтобы убедиться, что они одни.

– Я же не мог уступить тебя сразу всем парням Феникса, – сказал Люк, отступая на шаг, чтобы полюбоваться ее платьем. – Только не сейчас, когда ты так прекрасно выглядишь.

- Ты понимаешь, какие неприятности у тебя будут, если тебя тут застукают?
- Постараемся этого не допустить.

Он обвил руками талию Гласс. Музыка внизу усилилась, и Люк крутанул девушку в такт звукам.

– Оставь меня! – полупрошептала-полухихикнула Гласс, игриво шлепнув парня по плечу.

– Ах, вот как юная леди должна обращаться со своими поклонниками? – Он произнес этот вопрос с жутким, утрированным акцентом: в действительности на Фениксе никто так не говорил.

– Пойдем, – снова тихо хихикнув, она взяла его за руку. – Тебе на самом деле нельзя здесь находиться.

Люк остановился и притянул ее к себе:

– Где бы ты ни была, я везде должен быть с тобой.

– Это слишком рискованно, – мягко проговорила Гласс. Их лица сблизились.

Он усмехнулся:

– Тогда нам лучше бы убедиться, что я не зря рискнул.

Положив руку ей на затылок, он притянул ее губы к своим.

Гласс уже занесла руку, чтобы постучать во второй раз, но тут дверь отворилась. Ее сердце замерло.

Это был он, действительно он, с теми самыми рыжеватыми волосами и темно-кариими глазами, что ей помнились. Именно таким он каждую ночь являлся ей в ее тюремных сновидениях. Его глаза распахнулись от удивления.

– Люк, – выдохнула она, с трудом сдерживая чувства, скопившиеся в ней за последние девять месяцев и грозящие вот-вот вырваться наружу.

Ей отчаянно хотелось донести до него, что произошло, почему она порвала с ним и исчезла. Что последние, похожие на ночной кошмар полгода она думала о нем каждую минуту. И что она никогда не переставала любить его.

– Люк, – сказала она снова, и по ее щекам потекли слезы.

После того как она, сломленная, бесчисленное количество раз шептала это имя в своей камере, было так странно произносить его сейчас, глядя на любимого.

Но, прежде чем она смогла выговорить еще хоть слово, в дверном проеме появилась еще одна фигура. Фигура рыжеволосой девушки.

– Гласс?

Гласс попыталась улыбнуться Камилле, подруге детства Люка, девушке, которая была ему так же близка, как Гласс – Уэллсу. И вот она здесь... в квартире Люка. Конечно же, горько подумалось Гласс, она всегда подозревала, что их отношения – нечто большее, чем дружба, хоть Люк это и отрицал.

– Ты хотела бы зайти? – спросила Камилла преувеличенно вежливо.

Ее рука сплелась с рукой Люка, но Гласс показалось, что пальцы Камиллы впились ей прямо в сердце. Пока Гласс тосковала по Люку долгие месяцы в заключении, ощущая его отсутствие, как физическую боль, он продолжал жить.

– Нет-нет, спасибо, – сказала Гласс внезапно охрипшим голосом. Теперь, даже если бы она смогла подобрать слова, невозможно было сказать Люку правду. Зрелище, которое перед ней предстало, делало ее поступок смехотворным и нелепым. Она так далеко шла и так сильно рисковала ради встречи с парнем, который уже успел закрутить новый роман. – Я просто заскочила поздороваться.

– Ты заскочила поздороваться? – повторил Люк. – Ты почти год игнорировала мои послания, а теперь решила взять и забежать ко мне? – Он даже не пытался скрыть гнев, и Камилла отпустила его руку. Ее улыбка превратилась в гримасу.

– Я знаю... я... извините. Я оставлю вас одних.

– Может, все-таки объяснишь, что происходит? – спросил Люк, обменявшись с Камиллой взглядом, от которого Гласс почувствовала себя ужасно неловко и одиноко.

– Ничего, – быстро ответила она, безуспешно стараясь сдержать дрожь в голосе. – Мы потом поговорим... Увидимся... – Она оборвала себя, слабо улыбнулась и глубоко вздохнула, игнорируя отчаянный позыв собственного тела остаться с Люком... как можно ближе к Люку. Гласс заставила себя сделать шаг из комнаты, но краем глаза увидела униформу охранника, резко втянула в себя воздух и отвернулась. Охранник прошел мимо.

Люк сжал губы и посмотрел на что-то, находящееся прямо над головой Гласс. Девушка поняла, что он читает сообщение транслятора на сетчатке глаза, и по тому, как заходили желваки на его лице, догадалась, что это сообщение о ней. Глаза Люка потемнели, а потом в них промелькнул ужас.

– Гласс, – сказал он хрипло, – ты была в Тюреме.

Гласс кивнула.

Люк на миг перевел на нее взгляд, потом вздохнул, потянулся и положил ладонь на спину Гласс. Через ткань своей футболки она чувствовала давление его пальцев, и кожа ее млела от восторга, пусть даже Гласс была в смертельной опасности.

– Входи, – сказал он, подталкивая ее в квартиру.

Камилла с недовольным видом посторонилась, и Гласс вошла. Люк быстро закрыл за ними дверь.

Маленькая жилая часть квартирки была темна – Люк и Камилла не включили свет. Гласс изо всех сил постаралась не думать об этом, а Камилла тем временем уселась в кресло, которое прабабушка Люка когда-то нашла в Обменнике. Гласс почувствовала себя неловко – она не знала, где ей сесть. Ей казалось диким, что она теперь бывшая девушка Люка. Даже то, что она – беглая арестантка, не было для нее настолько чудовищным. Чтобы примириться со своей криминальной биографией, у нее было целых шесть месяцев в Тюреме, но Гласс даже вообразить себе не могла, что когда-нибудь будет стоять в этой квартире и чувствовать себя совершенно посторонней.

– Как ты сбежала? – спросил Люк.

Гласс помолчала. В Тюреме она постоянно думала о том, что скажет Люку, если ей когда-нибудь выпадет шанс вновь с ним увидеться. И вот они наконец-то снова рядом, но теперь все выдуманные речи показались поверхностными и эгоистичными. Она своими глазами видела, что у него все прекрасно; с какой стати тогда ей вываливать на него всю правду? Разве что для того, чтобы снова завоевать его и почувствовать себя не так одиноко. Поэтому Гласс всего лишь поведала ему дрожащим голосом о сотне, о ее тайной миссии, о захвате заложника и о погоне.

– Я только не понимаю, – тут Люк покосился через плечо на Камиллу, которая бросила притворяться, что ей совсем неинтересно, – почему тебя вообще арестовали?

Гласс смотрела в сторону, не находя в себе сил встретиться с ним взглядом и судорожно пытаясь придумать какой-нибудь ответ. Она не могла сказать ему правды – только не теперь, когда он нашел себе другую, когда стало очевидным: он не чувствует к ней того, что она чувствует к нему.

– Не могу сказать, – тихонько проговорила она, – ты не поймешь...

– Ладно, не важно, – на полуслове оборвал ее Люк, – я много чего не могу понять, ясно же, что ты так считаешь.

На краткий миг Гласс захотелось оказаться на челноке вместе с Кларк и Уэллсом. Стоя рядом с любимым, она все равно чувствовала себя ужасно одинокой. Она не могла вообразить большего одиночества даже на всеми покинутой Земле.

Глава 5. Кларк

В первые десять минут полета заключенные были слишком взволнованы стрельбой, чтобы заметить, что они оказались в космосе и стали первыми людьми, покинувшими Колонию за последние почти 300 лет. Лжеохранник добился своего: когда дверь челнока почти закрылась, он оттолкнул обмякшее тело Канцлера и ввалился внутрь, рухнув на сиденье. Кларк поняла по потрясенному выражению его побледневшего лица, что стрельба совершенно не входила в его планы.

Но саму Кларк зрелище подстреленного Канцлера встревожило гораздо меньше, чем то, что она увидела чуть раньше.

На челноке был Уэллс.

В первый момент, когда он возник в дверях, девушка решила, что у нее галлюцинации. Вероятность того, что она повредила рассудком от пребывания в одиночной камере, была несравненно выше вероятности появления сына Канцлера среди заключенных. Она и без того была слишком потрясена, когда через месяц после вынесения ее собственного приговора в одной из соседних камер вдруг объявилась Гласс, лучшая подруга Уэллса. А теперь, значит, еще и сам Уэллс? Это казалось невозможным, но какой смысл отрицать очевидное? Она видела, как он вскочил на ноги, когда его отец оказался в заложниках, и как рухнул обратно на свое место, когда настоящий охранник выстрелил по поддельному, и тот ввалился в двери, весь в крови. На миг в Кларк взыграли старые инстинкты, побуждая ее бежать на помощь Уэллсу. Однако нечто более жесткое, чем ремень безопасности, вынудило ее остаться на месте. Ноги Кларк будто приросли к полу. Это он виноват в том, что ей пришлось увидеть, как ее родителей ведут на казнь. Как бы больно сейчас ему ни было, боль все равно слабее, чем он того заслуживает.

– Кларк.

Она посмотрела по сторонам и увидела Талию, которая улыбалась ей, сидя в одном из передних рядов. Ее бывшая сокамерница развернулась в кресле и была единственным человеком во всем челноке, который не пялился на лжеохранника. Несмотря на мрачные обстоятельства, Кларк не смогла удержаться от ответной улыбки – такое уж свойство было у Талии. Даже в те дни, когда казнили родителей Кларк и арестовали ее саму, когда ей трудно было даже дышать от свалившегося на нее тяжкого горя, Талия умудрилась рассмешить ее, передразнивая самодовольного охранника, шаркающая походка которого моментально сменялась чеканным шагом, если ему казалось, что девушки на него смотрят.

– Это он? – одними губами проартикулировала Талия, качнув головой в сторону Уэллса.

Талия была единственным человеком, которая знала всю правду – не только о родителях Кларк, но и о том невыразимо ужасном поступке, который совершила Кларк.

Кларк тряхнула головой, давая понять, что сейчас не время для подобного разговора. Талия снова принялась жестикулировать. Кларк собралась было сказать подруге, чтобы та заткнулась, но тут взревели, оживая, двигатели, и ее губы затряслись вместе с произнесенными словами.

Итак, это на самом деле произошло. Впервые за несколько веков люди покинули Колонию. Она бросила взгляд на своих спутников и увидела, что те тоже невольно притихли, в молчании прощаясь с оставленным позади родным миром.

Однако торжественная атмосфера царила недолго. В последующие двадцать минут челнок наполнился нервной, возбужденной болтовней сотни человек, которые еще несколько часов назад и не помышляли ни о каком полете на Землю. Талия попыталась докричаться до Кларк, но ее слова потонули в общем шуме.

Кларк могла беседовать только с двумя девушками, что сидели впереди нее. Они спорили о том, пригоден ли земной воздух для дыхания.

– Лучше уж сразу окочуриться, чем мучиться, постепенно подыхая от отравы, – мрачно изрекла одна из них.

Кларк, пожалуй, была с ней согласна, но держала рот на замке. Нет смысла строить предположения: путь до Земли недолог, и буквально через несколько минут они узнают, какая судьба им уготована.

Кларк обернулась к иллюминатору. В нем были видны лишь мутно-серые облака. Вдруг челнок тряхнуло, все разговоры сразу стихли, и раздался общий судорожный вздох.

– Все в порядке, – крикнул Уэллс. Это были его первые слова с тех пор, как дверь челнока закрылась. – При вхождении в атмосферу Земли должна возникать турбулентность.

Но его слова потонули в громких воплях. Тряска усилилась, и к ней добавился странный гул.

Кларк чувствовала, как ремень безопасности впивается в живот, а тело мотается из стороны в сторону, потом вверх-вниз, а потом опять из стороны в сторону. Когда в ноздри ударил противный запах, она почувствовала рвотный позыв и поняла, что девушку впереди нее стошнило. Кларк зажмурилась и изо всех сил постаралась сохранять спокойствие. Все будет хорошо. Эта болтанка через несколько минут прекратится.

Гул перерос в пронзительный вой, сопровождаемый ужасным треском. Кларк открыла глаза и увидела, что иллюминаторы полопались, и за ними больше не было серого тумана.

Теперь там бесновалось пламя.

На головы пассажиров дождем сыпались искры и куски раскаленной обшивки. Кларк вскинула руки, чтобы защитить голову, но по-прежнему чувствовала, как горячие обломки обжигают ей шею.

Челнок еще сильнее тряхнуло, раздался рев, и часть потолка сорвало. Оглушительный треск сопровождался глухим стуком и вибрацией, болью отзывавшейся в каждой косточке тела Кларк.

Все закончилось так же внезапно, как началось.

В салоне челнока было темно и тихо. Из отверстия, где раньше располагалась панель управления, валил дым, воздух наполнял густой запах расплавленного металла, пота и крови.

Пошевелив пальцами рук и ног, Кларк поморщилась. Больно, конечно, но вроде бы ничего не сломано. Она отстегнула ремень безопасности и неуверенно поднялась на ноги, придерживаясь для устойчивости за обгоревшее пассажирское кресло.

Большинство ребят было еще пристегнуто, но некоторые завалились куда-то на сторону или распластались в проходах. Прищурившись, Кларк высматривала среди рядов Талию; ее сердце начинало частить каждый раз, когда взгляд натывался на очередное пустое кресло. Путаницу мыслей вдруг озарило страшное понимание: во время крушения некоторых пассажиров выбросило за борт.

Кларк похромала вперед, стиснув зубы от дергающей боли в левой ноге. Она добралась до двери и потянула ее так сильно, как только могла. А потом глубоко вздохнула и проскользнула в образовавшееся отверстие.

В первый миг ее сознание восприняло только цвета, а не формы. Полосы синего, зеленого и коричневого были столь яркими, что ее мозг отказывался воспринимать информацию. Легкий порыв ветра ожег кожу и наполнил ноздри запахами, которые Кларк не смогла распознать. Сначала она увидела одни лишь деревья. Сотни деревьев словно бы собрались сюда со всей планеты, чтобы встретить вернувшихся на Землю людей. Их огромные ветви приветственно вздымались к радостно-синим небесам. Земля простиралась во всех направлениях далеко-далеко, в десятки раз дальше, чем самая длинная палуба корабля. Вокруг был такой

немыслимый, невообразимый простор, что у Кларк внезапно закружилась голова, словно в момент взлета их челнока.

Она вдруг смутно осознала, что у нее за спиной раздаются голоса, и повернулась к столпившейся возле челнока кучке ребят.

– Как красиво! – прошептала темнокожая девушка и дрожащей рукой потянулась к блестящей зеленой травинке.

Низенький коренастый парнишка сделал несколько неуверенных шагов вперед. Подразумевалось, что гравитационное притяжение Колонии равно земному, но первое же столкновение с реальностью показало, что это не совсем так.

– Тут все в порядке, – сказал парень со смесью облегчения и растерянности, – мы могли вернуться столетия назад.

– Ты не можешь этого знать, – ответила девушка. – То, что мы можем тут дышать, еще не означает, что воздух неядовит, – Она повернулась к нему лицом и вскинула на уровень глаз запястье с браслетом. – Совет дал нам эти штуки не для украшения. Они хотят знать, что с нами произойдет.

Девушка помладше, нерешительно топтавшаяся возле челнока, хмыкнув, натянула куртку на рот и нос.

– Можешь дышать нормально, – сказала ей Кларк, озираясь по сторонам на случай, если вдруг Талия тоже вышла. Ей хотелось бы сказать что-нибудь более утешительное, но никакого способа узнать, сколько радиации еще содержится в земной атмосфере, не было. Они могли только ждать и надеяться.

– Мы скоро вернемся, – сказал отец, засовывая длинные руки в карман пиджака, которого Кларк никогда раньше не видела. Подойдя к диванчику, на котором она свернулась калачиком со своим планшетом, отец взъерошил ей волосы. – Не болтайся снаружи слишком долго. Последнее время они что-то лютуют с комендантским часом. Я думаю, это из-за каких-то неприятностей на Уолдене.

– А я никуда и не собираюсь. – Кларк махнула рукой на собственные голые ступни, торчащие из хирургических штанов, которые она использовала в качестве пижамных.

Хотя отец и был лучшим ученым Колонии, его дедуктивные навыки оставляли желать лучшего. Ведь, даже с головой уйдя в свои любимые исследования, он не мог не знать, что медицинская одежда не является последним пискom высокой моды для шестнадцатилетних девушек.

– В любом случае, тебе лучше бы держаться подальше от лаборатории, – сказал он так непринужденно, словно эта мысль только что пришла ему в голову, хотя на самом деле твердил об этом пять раз на дню с тех пор, как они переехали на новую квартиру. Совет утвердил заявку родителей на специализированную частную лабораторию, потому что эксперименты их нового проекта нуждались в круглосуточном контроле.

– Обещаю, – подчеркнуто терпеливо сказала Кларк.

– Просто приближаться к радиоактивным материалам опасно, – крикнула мама. Стоя перед зеркалом, она поправляла прическу. – Особенно без надлежащих средств защиты.

Кларк снова и снова повторяла свое обещание, пока родители в конце концов не ушли, и она смогла вернуться к своему планшету, не переставая лениво думать краем сознания, что сказали бы друзья Гласс или она сама, узнав, что Кларк пятничным вечером корпит над эссе. До этого Кларк была совершенно равнодушна к курсу земной литературы, но последнее задание неожиданно ее зацепило. Вместо предполагаемого исследования об изменении взгляда на природу в поэзии предшествующего Катаклизму периода им вдруг задали сравнить литературные вампиромании XIX и XXI веков.

Несмотря на то что читать было очень интересно, Кларк, похоже, в какой-то момент задремала. Когда она вытянулась на диване, настроенное на суточный цикл освещение потускнело, а комнату заполнили непривычные тени. Она встала и собралась было перебраться в свою спальню, но тут тишину нарушил какой-то странный звук. Кларк обмерла: этот звук был очень похож на крик. Девушка заставила себя сделать глубокий вдох. Ей следовало бы знать, что бывает, если начитаться перед сном вампирских историй.

Кларк развернулась и двинулась по коридору в сторону спальни, но тут раздался другой звук. Это был вопль, от которого у Кларк по спине побежали мурашки.

Прекрати, одернула себя Кларк. Ты никогда не сможешь состояться как врач, если позволишь своему сознанию выкидывать такие фортели. Тебе просто беспокоитно в темноте новой квартиры. Утром все опять придет в норму. Кларк провела ладонью по сенсору двери спальни и уже собралась войти, но тут снова услышала звук – это был полный муки стон.

С забившимся сердцем Кларк повернула назад и пошла по длинному коридору, который привел ее к лаборатории. Вместо сканера сетчатки глаза тут была кнопочная панель. Кларк провела по ней рукой, подумав между делом, сможет ли вычислить пароль, потом присела и прижалась к двери ухом.

Дверь слегка завибрировала, до Кларк снова донесся звук, и дыхание в горле перехватило. Этого не может быть. Но звук снова повторился, теперь более отчетливо.

Это был уже не просто крик боли. Это было слово. «Пожалуйста».

Пальцы Кларк немедленно скользнули на панель, и она набрала первое, что пришло ей в голову: «Пангея». Это был пароль, которым защищала свои файлы ее мама. Экранчик пискнул, и на нем появилось сообщение об ошибке. Она попробовала слово «Элизиум», название мифического подземного города, где, если верить сказкам, которые родители рассказывают перед сном своим детям, укрылись после Катаклизма люди. Снова ошибка. Кларк напрягла память, пытаясь отыскать в ней нужное слово. Ее пальцы зависли над клавиатурой. «Люси». Так называли ископаемую женщину, самого древнего человека из когда-либо найденных земными археологами. На этот раз прозвучала целая серия длинных гудков, и дверь, отворяясь, скользнула в сторону.

Лаборатория была куда больше, чем думала Кларк, больше всей их квартиры. Ее заполняли ряды узких коек, как в больнице. Взгляд Кларк перебегал с одной постели на другую.

На каждой койке был ребенок. Это в основном были дети, подключенные к всевозможным мониторам показателей жизнедеятельности и капельницам. Большинство детей спали, но некоторые, опершись на подушки, играли с планшетами. Одна маленькая девочка, едва ли старше трех лет, сидела на полу возле кровати и играла с потрепанным плюшевым мишкой, в то время как в ее ручку по гибкой трубочке текла из капельницы прозрачная жидкость.

Ум Кларк судорожно искал объяснение увиденному. Должно быть, это больные дети, которым требуется круглосуточный уход. Может быть, они страдают какой-нибудь экзотической хворью, и только мама знает, как именно их следует лечить. Или, возможно, отец вплотную подошел к изобретению нового лекарства, и ему нужен двадцатичетырехчасовой доступ к пациентам. Родители, наверное, знали, что Кларк тоже заинтересовалась бы этой проблемой, но болезнь наверняка заразна, и они лгали дочери ради ее же безопасности.

Снова раздался крик, который привел сюда Кларк, только теперь он прозвучал гораздо громче. Девушка двинулась к койке в дальнем углу лаборатории, откуда доносился крик.

Девушка примерно ее лет (одна из самых старших в этой комнате, решила Кларк) лежала на спине, ее русые волосы веером рассыпались по подушке вокруг личика в форме сердца. Какое-то мгновение она молча смотрела на Кларк.

– Пожалуйста, – сказала она дрожащим голосом, – помоги мне.

Кларк взглянула на ярлычок монитора показателей жизнедеятельности. Там значилось: «ОБЪЕКТ 121». Тогда она спросила:

– Как тебя зовут?

– Лилли.

Кларк неловко было стоять, и, когда Лилли откинулась обратно на подушку, Кларк пристроилась возле нее на постели. Кларк только начала учиться на врача и никогда еще не общалась с пациентами, но уже знала, как важен врачебный такт.

– Я уверена, тебя скоро выпишут домой, – сказала она. – Сразу, как только ты почувствуешь себя лучше.

Девушка подтянула колени к груди, уткнулась в них головой и что-то пробормотала так неразборчиво, что Кларк ничего не смогла понять и переспросила:

– Что ты говоришь?

Мельком оглядев помещение через плечо, она удивилась, что здесь нет ни медсестры, ни студента-медика, которые подменяли бы ее родителей. Если с одним из детей что-то случится, помочь ему будет некому.

Подняв голову, девушка посмотрела куда-то мимо Кларк. Она закусила губу и подождала, пока отступят набежавшие на глаза слезы. Ее взгляд был пустым. Когда она наконец заговорила, это был еле слышный шепот:

– Еще никому тут не становилось лучше.

Кларк с трудом подавила дрожь. Заболевания в Колонии были редкостью. С тех пор как на Уолдене был блокирован последний мор, эпидемий больше не случалось. Кларк осмотрела лабораторию, чтобы понять, какую именно болезнь лечат тут родители, и ее взгляд уперся в большое табло у дальней стены. На нем мелькали данные, образуя большую таблицу: *«Объект 32. Возраст – 7 лет. День 189. 3,4 гр. Эритроциты. Лейкоциты. Дыхание. Объект 33. Возраст – 11 лет. День 298. 6 гр. Эритроциты. Лейкоциты. Дыхание»*.

Вначале Кларк ничего не заподозрила. С помощью такого табло родителям наверняка очень удобно отслеживать состояние здоровья маленьких пациентов. Если не считать того, что «Гр» не имеет никакого отношения к жизненно важным показателям. Грей – это единица облучения. Кларк четко усвоила этот факт, поскольку ее отец и мать много лет изучали воздействие радиации. Их нынешняя задача состояла в том, чтобы определить, какой уровень излучения является безопасным для человека – это требовалось знать для возвращения на Землю.

Кларк смотрела на бледное личико Лилли, и из темных глубин подсознания выползала леденящая кровь догадка. Девушка попыталась загнать ее обратно, но догадка заполнила все ее существо, задушив на корню все возражения так, что осталась лишь истина, такая ужасная, что Кларк задохнулась.

Исследования ее родителей уже не проводились исключительно на клеточных культурах. Теперь ученые перешли к опытам над людьми.

Ее мама и папа не лечили этих детей. Они их убивали.

Они приземлились на какой-то окруженной деревьями поляне, напоминавшей по форме букву «Г».

Серьезных травм у спутников Кларк было не слишком много, но поработать ей пришлось. Около часа она занималась тем, что пускала на жгуты штанины и рукава; ей также пришлось приказывать нескольким ребятам лежать, не шевелясь, пока она не найдет, из чего сделать шины для их сломанных костей. Все пожитки прибывших были разбросаны на траве вокруг челнока, и, хоть Кларк и отправила несколько человек поискать медикаменты, найти аптечку пока не удалось.

Разбитый челнок валялся в короткой части буквы «Г». В первые пятнадцать минут его пассажиры топтались вокруг тлеющих обломков, слишком испуганные и ошеломленные, чтобы отойти от них дальше, чем на несколько неуверенных шажков, но потом начали разбредаться в разные стороны. Кларк не заметила ни Талии, ни Уэллса и совершенно не понимала, что она

чувствует по этому поводу – тревогу или облегчение. Может быть, Уэллс где-то вместе с Гласс? Она должна была быть где-то в челноке, хоть Кларк ее и не видела.

– Как ты теперь себя чувствуешь? – спросила Кларк, снова сосредотачиваясь на перевязке распухшей лодыжки хорошенькой большеглазой девчушки с красной лентой в темных волосах.

– Лучше, – ответила та, вытирая рукой нос и нечаянно размазывая по всему лицу кровь из пореза на щеке.

Кларк нужно было найти настоящие бинты и антисептики – ведь сейчас все они подвергались воздействию микробов, с которыми их организмы никогда прежде не сталкивались, и поэтому риск заражения был очень высок.

– Я скоро вернусь. – Кларк коротко улыбнулась и поднялась на ноги.

Если аптечки не было на поляне, значит, она, возможно, до сих пор оставалась в челноке. Кларк поспешила к дымящимся обломкам. Обходя их по периметру, она прикидывала, как безопаснее всего попасть внутрь. Так девушка добралась до хвостовой части корабля, находившейся всего в нескольких метрах от линии деревьев, и тут ее бросило в дрожь. В этой части поляны деревья так теснились друг к другу, что их кроны почти не пропускали свет, отбрасывая на траву причудливые тени, которые колыхались от порывов ветра.

Кларк прищурилась и заметила какой-то силуэт, который не шевелился. Он не был тенью.

На земле, у самых корней деревьев, лежала девушка. Наверное, во время приземления ее выбросило через задний люк. Кларк подалась вперед, из ее груди вырвался судорожный всхлип, когда она узнала короткие курчавые волосы и небольшую россыпь веснушек на переносице. *Талия*.

Подбежав, Кларк опустилась перед подругой на колени. Кровь хлестала из раны между ребер Талии, окрашивая траву в темно-красный цвет, словно кровоточила сама планета. Она еще дышала, но дыхание было поверхностным и судорожным.

– Все будет хорошо, – прошептала Кларк, сжимая обмякшую руку подруги. Ветер шелестел над ними кронами деревьев. – Я клянусь тебе, Талия, все будет хорошо. – Ее слова не были похожи на утверждение, они звучали скорее как молитва, хотя Кларк не знала, кому она молится.

Час, когда люди покинули Землю, был самым темным для человечества. Не имело значения, скольким суждено погибнуть при попытке вернуться назад.

Глава 6. Уэллс

Уэллс дрожал от предвечерней прохлады. С тех пор как они приземлились, прошло несколько часов, и стало холодать. Он придвинулся поближе к костру, не обращая внимания на презрительные взгляды парней с Аркадии, расположившихся по обе стороны от него. Каждую ночь, проведенную в Тюрьме, он засыпал, мечтая о том, как он окажется на Земле вместе с Кларк. Но, вместо того чтобы теперь держать ее за руку, любуясь тем, как прекрасна планета, он провел день, разгребая обгоревшее оборудование и припасы и изо всех сил стараясь забыть, как перекосило лицо Кларк, когда она его заметила. Он, конечно, не ожидал, что Кларк, едва завидя его, бросится ему на шею, но увидеть незамутненную ненависть в ее глазах тоже оказался совершенно неготов.

– Как думаешь, твой папашка уже отбросил копыта? – спросил мальчишка с Уолдена, несколькими годами моложе Уэллса, и ребята вокруг загоготали.

Грудь Уэллса сдавило, но он постарался сохранить спокойствие. С парой-тройкой маленьких поганцев он мог бы разобраться, даже не вспотев, – не зря же он был абсолютным чемпионом по спортивным единоборствам на кадетских курсах. Но здесь он был один, а их – девяносто пять. Девяносто шесть, если считать Кларк, которая, возможно, сейчас благоволит к Уэллсу меньше, чем кто-либо еще на этой планете.

Когда они загрузились в челнок, Уэллс встревожился, что не видит Гласс. Ко всеобщему потрясению населения Феникса, ее арестовали вскоре после ареста Кларк. Сколько Уэллс ни наседа на отца, но так и не смог выяснить, что же она совершила. Юноша пожалел, что не знает, почему подруга не отобрана для экспедиции. Он старался убедить себя в том, что ее, возможно, помиловали, но более вероятным было, что она все еще находится в Тюрьме, ведя обратный отсчет дней до быстро приближающегося восемнадцатилетия. От этой мысли руки Уэллса холодели.

– Не удивлюсь, если Канцлер-младший надеется, что его накормят в первую очередь, – сказал парень с Аркадии. Его карманы топорщились от пищевых брикетов, собранных во время безумной суеты первых часов после катастрофы. Насколько Уэллс мог судить, их отправили на Землю с довольно скудным запасом провианта, которого могло хватить от силы на месяц и который исчезнет еще быстрее, если люди будут пихать в карманы все, что найдут. Но такое вряд ли возможно, и почти наверняка где-то есть контейнер с провизией. Они должны наткнуться на него, когда закончат разбирать обломки челнока.

– Или что мы сейчас организуем ему уютную постельку, – усмехнулась хорошенькая девушка с глубокой царапиной на лбу.

Уэллс не обращал на них внимания, глядя вверх, в бескрайнее темно-синее небо. Оно действительно поражало. Он, конечно, видел фотографии земного неба, но все равно даже представить себе не мог столь насыщенного оттенка. Было странно думать, что вся эта синева – атмосфера, состоящая из кристаллов азота и преломленного света, – отделяет его от мириад звезд и от единственного мира, который он когда-либо знал. Он почувствовал, как его сердце преисполнилось состраданием к тем трем, что не прожили достаточно долго, чтобы увидеть эту синь. Их тела лежали по другую сторону челнока.

– Постельку? – фыркнул парень. – Может, ты мне скажешь, где вообще в таком месте можно найти постель?

– А где, к чертям собачьим, мы будем спать? – спросила девушка со шрамом, озираясь по сторонам и словно ожидая, что вот-вот, как по мановению волшебной палочки, появятся спальни.

Уэллс откашлялся.

– В нашем снаряжении есть палатки. Нужно только закончить разбор этих завалов и разложить все по местам. И одновременно мы должны послать кого-нибудь в разведку, чтобы найти воду и разбить возле нее лагерь.

Девушка демонстративно огляделась по сторонам.

– Мне и здесь неплохо, – сказала она, и вокруг сдавленно захихикали.

Уэллс изо всех сил старался сохранять спокойствие.

– Дело в том, что, если мы расположимся возле ручья или озера, нам будет легче...

– Ой, ладно, – перебил его чей-то низкий голос, – нашел время для лекции.

Уэллс обернулся: к их костру приближался парень по имени Грэхем, единственный, кто попал сюда с Феникса, если не считать Кларк и Уэллса. При этом большинство ребят с Аркадии и Уолдена знали его по имени и относились к нему с изрядным уважением. Уэллс даже думать не хотел, что он сделал, чтобы заслужить такое отношение.

– Я не читал никаких лекций. Я просто стараюсь сделать так, чтоб мы выжили.

Грэхем поднял бровь.

– Это очень интересно. Особенно если учесть, что твой отец приговорил наших друзей к смерти. Но не переживай, я-то знаю, ты на нашей стороне. – И он широко улыбнулся Уэллсу. – Это так?

Уэллс с опаской посмотрел на него, а потом коротко кивнул:

– Конечно.

– Ну, – продолжил Грэхем, и его дружелюбный тон странно противоречил неприязненному блеску его глаз, – и за что тебя посадили?

– Не очень-то вежливый вопрос, правда ведь? – Уэллс улыбнулся загадочной, как он надеялся, улыбкой.

– О, я так сожалею, – Грэхем состроил гримасу ужаса, – но ты должен меня простить. Когда последние 847 дней своей единственной жизни ты должен провести запертым в корабельной жопе, как-то забываешь, что считается вежливым на Фениксе.

– 847 дней? – переспросил Уэллс. – И можно предположить, что тебя осудили не потому, что ты спер со склада ароматические приправы?

– Нет, – сказал Грэхем, шагнув в сторону Уэллса, – не за это. – Все вокруг затаили дыхание, кто-то неловко переминался с ноги на ногу, а кто-то, наоборот, жадно подался вперед. – Меня посадили за убийство.

Их глаза встретились. Уэллс постарался ничем не выдать своих чувств: ему не хотелось, чтоб Грэхем получил удовольствие, увидев, насколько он потрясен.

– Да? – сказал он небрежно. – И кого ты убил?

Грэхем холодно улыбнулся.

– Если бы ты провел среди нас побольше времени, ты бы знал, что *твой* вопрос не очень-то вежливый.

Несколько секунд прошло в напряженной тишине, а потом Грэхем продолжил:

– Но я в любом случае уже знаю, что ты сделал. Когда арестовывают сына Канцлера, новости разносятся быстро. Ты, конечно, не признаешься. Но раз уж мы так мило болтаем, может, ты скажешь, зачем нас отправили сюда? Сейчас, когда стольким нашим друзьям по-прежнему грозит казнь после пересмотра дела? – Грэхем все еще улыбался, но его голос звучал теперь ниже и опаснее. – Почему нас отправили именно сейчас? Что заставило твоего отца так внезапно снарядить эту экспедицию?

Его отец. За этот день, впитывая в себя новые ощущения от пребывания на Земле, Уэллс почти убедил себя, что сцена на грузовой палубе – резкий звук выстрела, темный кровавый цветок, распустившийся на груди отца – была просто кошмарным сном.

– Конечно, он не собирается ничего нам говорить, – презрительно усмехнулся Грэхем. – Так, солдат? – И он издевательски взял под козырек.

Ребята с Аркадии и Уолдена, до этого не сводившие глаз с Грэхема, развернулись к Уэллсу и так пристально на него уставились, что все волоски на его коже встали дыбом. Конечно, он знал, в чем дело. Знал, почему столько ребят казнили в их восемнадцатый день рождения, казнили за преступления, совершив которые в недавнем прошлом они были бы помилованы. И почему их кое-как подготовленная экспедиция была так поспешно отправлена на Землю.

Он знал это лучше, чем кто-либо еще, потому что сам был во всем виноват.

– Когда мы полетим домой? – спросил парнишка, которому на вид было не больше двенадцати лет.

Уэллс внезапно почувствовал острое сострадание к его несчастной матери, которая где-то там, на корабле, даже не подозревала о том, что ее сын преодолел многие километры и оказался на планете, когда-то оставленной человечеством. Оставленной умирать.

– *Мы уже* дома, – сказал Уэллс, вложив в эти слова как можно больше искренности.

Если произносить их достаточно часто, возможно, он сам начнет в них верить.

В этом году он почти пропустил концерт, который всегда был его любимым событием. На этот вечер музыкальные реликвии извлекались из специальных хранилищ, где они хранились в полном вакууме. Наблюдать за музыкантами, которые большую часть жизни репетировали, используя симуляторы, когда они брались за настоящие ноты и инструменты, было все равно, что стать свидетелем воскрешения из мертвых. Изготовленные руками давно умерших мастеров, единственные музыкальные инструменты во Вселенной исполняли те же возвышенные мелодии, что некогда звучали в концертных залах погибшей цивилизации. Раз в году Эдем-Холл наполнялся музыкой, которая пережила земное человечество.

Но когда Уэллс вошел в Зал – большую овальную комнату с выгнутыми панорамными окнами – горе, которое неделю назад поселилось в нем и, кажется, блуждало по телу, застыло в его желудке. Обычно вид, который открывался из окон, казался ему невозможно прекрасным, но этой ночью блеск звезд, окружавших окутанную облаками Землю, напомнил ему о поминальных свечах. Его мать любила музыку.

Зал, как всегда, был переполнен, вокруг взволнованно гудела большая часть населения Феникса. Множество женщин жаждало продемонстрировать новые платья, дорогие и в некоторых случаях прекрасно на них сидевшие – тут все зависело от того, остатки какой именно ткани им удалось раздобыть в Обменнике. Уэллс сделал несколько шагов вперед, и по толпе побежала рябь шепотков и понимающих взглядов.

Уэллс постарался сосредоточиться на передней части помещения – там возле Древа, в честь которого был назван Эдем-Холл, уже собрались музыканты. Легенда гласила, что саженец Древа чудом выжил в горящей Северной Америке и был доставлен на Феникс перед самым Исходом. Сейчас дерево выросло до самого потолка, его тонкие ветви простирались во все стороны на десяток метров: лиственный полог как бы набросил на музыкантов вуаль зеленоватых теней.

«Это сын Канцлера?» – спросила какая-то женщина у него за спиной, и новая волна жара прилила к его и без того пылавшим щекам. Он так и не выработал иммунитета к этому хвосту оценивающих любопытных взглядов, что неизменно за ним тащился, но сегодня это было особенно невыносимо.

Он развернулся и начал было пробираться к выходу, но замер на месте, когда чья-то рука нашла его ладонь. Глянув через плечо, он наткнулся глазами на недоумевающий взгляд Кларк.

– Куда это ты собрался сбежать?

Уэллс мрачно улыбнулся:

– Оказывается, у меня неподходящее настроение, чтобы слушать музыку.

Кларк на миг задержала на нем взгляд, а потом ее пальцы вновь крепко сжали его руку:

– Останься. Ради меня, – Она увлекла его вперед, туда, где в заднем ряду было два свободных места. – Надеюсь, ты мне расскажешь, что именно мы слушаем.

Усаживаясь возле Кларк, Уэллс вздохнул.

– Я уже говорил тебе, что будут исполнять Баха, – сказал он, бросив тоскливый взгляд на дверь.

– Ты понимаешь, что я имею в виду. – Пальцы Кларк переплелись с его пальцами. – Одна часть, другая часть... к тому же я вечно начинаю хлопать не вовремя.

Уэллс слегка пожал ее руку.

В анонсах или представлениях не было никакой нужды. Как только на волю вырвалась первая нота, разговоры стихли. Проведя смычком по струнам, скрипач заставил присутствующих замолчать. Потом к нему присоединилась виолончель, за ней – кларнет. Барабаны в этот вечер не звучали, но не беда – Уэллс почти слышал, как две сотни человеческих сердец бьются в такт музыке.

– Я всегда представлял себе, что как-то так должен звучать закат, – прошептал Уэллс.

Фраза вырвалась у него непроизвольно, прежде чем он успел подумать, и Уэллс ожидал, что сейчас увидит недоуменный взгляд Кларк или выражение неловкости на ее лице.

Но музыка околдовала и Кларк тоже.

– Я хотела бы увидеть закат, – шепнула она, опуская голову ему на плечо.

Уэллс рассеянно провел рукой по ее шелковистым волосам.

– Я хотел бы любоваться закатом вместе с тобой. – Он наклонился и поцеловал ее в лоб.

– Что ты будешь делать лет в семьдесят пять? – прошептал он.

– Чистить вставную челюсть, – с улыбкой ответила Кларк, – а что?

– Просто у меня есть идея назначить тебе свидание на Земле.

День угасал, костер бросал отсветы на лица стоявших вокруг Уэллса парней и девушки.

– Я знаю, это выглядит странно и страшно, и – да, несправедливо, но есть причина, по которой мы оказались здесь, – сказал он ребятам. – Если выживем мы, смогут выжить и все остальные.

К нему повернулась почти сотня голов, и ему на миг подумалось, что, возможно, его словам удалось пробить многолетнюю броню невежества и пренебрежения, но тут тишину нарушил новый голос:

– Поосторожнее тут, Яха!

Уэллс круто развернулся и увидел высокого парня в окровавленной униформе охранника. Парня, который силой ворвался в челнок. Который держал отца Уэллса в заложниках.

– Земля пока что работает в режиме восстановления. Мы не знаем, сколько еще туфты, которую ты гонишь, она сможет вынести.

У костра снова слышались сдавленные смешки и фыркание, и Уэллс ощутил прилив внезапного, острого гнева. Из-за этого парня его отец – человек, который отвечает за защиту всего выжившего человечества, – оказался ранен, и он смеет стоять тут и обвинять Уэллса в том, что он гонит туфту?

– Извини?.. – сказал Уэллс, вздергивая подбородок, чтобы смерить парня своим лучшим командирским взглядом.

– Завязывай с этим дерьмом, о'кей? Просто скажи, что ты на самом деле имеешь в виду. Мы будем делать то, что ты говоришь, а ты не будешь стучать на нас своему отцу.

Глаза Уэллса сузились:

– Благодаря тебе мой отец, возможно, сейчас лежит в больнице, – «... и получает там самое лучшее лечение и находится на пути к быстрому выздоровлению», – про себя добавил Уэллс. Он очень надеялся, что все так и есть.

– Если он еще жив, – вставил Грэхем и гоготнул, а Уэллсу на секунду показалось, что он заметил, как один из ребят вздрогнул и поморщился. Уэллс шагнул было вперед, однако новый голос из толпы крикнул, заставив его остановиться:

– Значит, ты не шпион?

– Шпион? – Это обвинение почти заставило его рассмеяться.

– Ну да, – подтвердил лжеохранник. – Шпионишь за нами, как эти браслеты, верно?

Уэллс более пристально посмотрел на парня в не подходящей ему по размеру униформе. Интересно, кто-то сказал ему о назначении браслетов или он догадался сам?

– Вам не кажется, что, если бы Совету понадобилось шпионить за вами, – сказал он, игнорируя замечание о браслете-передатчике, – они постарались бы выбрать кого-то менее заметного?

Парень в окровавленной униформе усмехнулся:

– Плюсы и минусы административных методов твоего отца мы можем обсудить как-нибудь потом, а сейчас просто скажи нам: если ты не шпион, какого черта ты тут делаешь? Среди нас нет дураков, которые поверят, что ты на самом деле осужден.

– Мне жаль, – в тоне Уэллса звучало все что угодно, кроме сожаления, – но ты и сам кажешься подозрительным. Ты появляешься в краденной униформе, берешь в заложники моего отца – и все ради того, чтобы пробраться на корабль... Я думаю, это тебе следует кое-что объяснить.

Парень прищурился:

– Я сделал это, потому что должен защищать сестру.

– *Сестру*? – переспросил Уэллс.

На Уолдене люди нарушали демографические законы гораздо чаще, чем на Фениксе, однако Уэллс никогда не слышал, чтобы после Катаклизма у кого-нибудь были братья или сестры.

– Вот именно, – парень скрестил руки на груди и вызывающе посмотрел на Уэллса. – А теперь я повторю свой вопрос: что ты на самом деле тут делаешь?

Уэллс шагнул вперед. Он не обязан ни перед кем отчитываться, и уж тем более – перед этим криминальным типом, чьи слова про сестру запросто могут оказаться ложью. Но потом его внимание привлекло какое-то движение: с противоположного края поляны к костру шла Кларк, которая до этого оказывала помощь раненым.

Уэллс повернулся к высокому парню и вздохнул, чувствуя, как испаряется его гнев.

– Я здесь по той же причине, что и ты. – Его взгляд метнулся к Кларк, которая все еще находилась вне пределов слышимости. – Я совершил преступление и сел, чтобы кое-кого защитить.

Собравшиеся у костра примолкли. Уэллс повернулся к ним спиной и пошел к Кларк, не обращая внимания на то, что все взгляды обращены на него.

На миг ее облик свел его с ума. Небо потемнело, и поляна была теперь освещена иначе, чем днем, поэтому золотые искры в ее зеленых глазах словно светились. Здесь, на Земле, она была еще прекраснее, чем когда-либо раньше.

Их глаза встретились, и по его спине пробежал холодок. Меньше года прошло с тех пор, когда он мог угадать ее мысли, просто посмотрев на нее. Но сейчас выражение лица Кларк было абсолютно непроницаемо.

– Что ты тут делаешь, Уэллс? – спросила она. Голос ее звучал напряженно и устало.

«Она в шоке», – сказал себе Уэллс, заставляя свой ум поверить в это сомнительное объяснение ее тона, и мягко ответил:

– Я здесь из-за тебя.

Казалось, внутри Кларк рухнули все барьеры, и на ее лице появилась смесь печали, разочарования и жалости. Выражение этих глаз ранило Уэллса прямо в сердце.

– Надеюсь, что нет. – Она вздохнула и, избегая его взгляда, прошла мимо.

От ее слов у Уэллса перехватило дыхание, и на миг он мог думать лишь о том, как люди дышат. Потом от костра до него донесся гул голосов, и он обернулся на этот звук, помимо воли заинтересованный тем, что вызвало оживление. Взгляды всех ребят были прикованы к небу, на котором исполнялась симфония цвета.

Вначале на синеве проступили оранжевые полосы: так присоединяется к флейте гобой, превращая соло в дуэт. Потом к общему хору присоединился желтый, а потом и розовый. Небо потемнело, и на его фоне цветовая гамма казалась еще ярче и насыщенней. Слово «закат» не могло вместить в себя все это великолепие, и в миллионный раз, с тех пор как они приземлились, Уэллс обнаружил, что слова, которыми его научили описывать Землю, бледнеют перед ее реалиями.

Даже Кларк, которая с момента крушения челнока, не переставая, что-то делала, замерла на полпути и подняла голову, чтобы лучше разглядеть небесное волшебство. Уэллсу не нужно было видеть ее лицо, он знал, что ее глаза распахнуты в благоговейном трепете, а рот приоткрылся от легкого вздоха, словно она наконец-то увидела нечто, о чем давно грезил. Нечто, о чем *они* давно грезили, поправил себя Уэллс. Он отвернулся, не в силах больше смотреть на небо, и его грудь пронизала острая боль. Впервые за триста лет люди смогли наконец увидеть закат, и Уэллс был вынужден смотреть на него в одиночестве.

Глава 7. Беллами

Беллами щурился на восходящее солнце. Раньше он всегда считал, что восторги древних поэтов – полное дерьмо. Ну или сами поэты приняли в своей жизни больше наркоты, чем он вообще мог себе представить. Но они были правы. Оказалось, это такая чума – смотреть, как небо из черного становится серым, а потом взрывается разноцветными полосами. От этого зрелища Беллами хотелось запеть или сделать еще что-нибудь в таком духе, но он был лишен артистизма.

Тогда Беллами нагнулся и укутал одеялом плечи Октавии. Беллами нашел это одеяло торчащим из контейнера со снаряжением, а потом за обладание им ему пришлось выбить несколько зубов. Беллами выдохнул, наблюдая за образовавшимся облачком пара. На корабле такого не бывало, там вентиляционные системы только что не высасывали воздух у тебя из легких, прежде чем ты успевал открыть рот.

Беллами оглядел поляну. После того как эта девчонка Кларк закончила осмотр Октавии и сказала, что у той всего лишь растянуты связки, Беллами отнес сестру поближе к деревьям. Там они и провели ночь. Он собирался держать дистанцию, пока не станет ясно, кто из этих ребят настоящий преступник, а кто просто оказался в ненужное время в ненужном месте.

Беллами сжал руку сестры. В том, что она оказалась в Тюрем, виноват был он. Виноват он был и в том, что она сейчас здесь. Ему следовало бы знать, что сестра что-то замышляет, – не зря же она неделями твердила о том, как голодают некоторые дети в ее блоке. Рано или поздно она должна была начать что-то делать, чтобы подкормить их, – даже если это означало воровство. Его самоотверженную маленькую сестренку приговорили к смерти из-за слишком большого сердца. Его обязанностью было защищать ее. А он впервые в жизни не справился.

Беллами расправил плечи и задрал кверху подбородок. Для шестилетки он был высок, но люди все равно таращились на него, когда он пробирался сквозь толпу в распределительном центре. Правила не запрещали детям приходить сюда без взрослых, но такое было редкостью. Прежде чем выпустить сына из квартиры, мать трижды заставила его повторить весь список. *Волоконная мука – два кредита. Пакетированная глюкоза – один кредит. Дегидрированное зерно – два кредита. Клубневые хлопья – один кредит. Протеиновая колбаса – три кредита.*

Он обошел двух женщин, которые остановились поворчать у каких-то белых штук, напоминающих мозги. Беллами сделал большие глаза и двинулся дальше. Ну кому какое дело, что Феникс получает с солярных плантаций всякую вкуснятину? У каждого, кто хочет есть овощи, мозги, наверное, такие же маленькие и белые. Вроде этих штукovin.

Беллами протянул руки к раздаточному аппарату, подхватил выскользнувший из него пакет с волоконной мукой и сунул его под мышку. Он уже двинулся было к секции с клубнями, но тут его внимание привлекло что-то яркое, блестящее. Обернувшись, мальчик увидел на витринном прилавке целую гору красных круглых плодов. Как правило, его не интересовали дорогие продукты, которые тут держали под замком, будь то скрюченная морковь, напоминавшая Беллами оранжевые ведьмины пальцы, или уродливые грибы, смахивающие скорее на вылезших из какой-то черной дыры безмозглых зомби, чем на еду. Но сейчас все было иначе. Эти фрукты были розово-красными: такого же цвета становится их соседка Рилла, когда они в коридоре играют в нашествие инопланетян. Вернее, играли, пока отца Риллы не увели охранники, а ее саму не отправили в детский центр.

Беллами привстал на цыпочки, чтобы прочитать на информационной панели цену. Одиннадцать кредитов. Кажется, это очень много, но ему захотелось сделать маме что-то приятное. Она вот уже три дня не поднималась с постели. Беллами даже вообразить себе не мог, чтобы он устал так сильно.

– Хочешь приобрести? – прозвучал над ним раздраженный голос. Он поднял глаза и увидел, что на него пристально смотрит женщина в зеленой униформе работника распределительного центра. – Плати или проваливай.

Беллами покраснел. На какой-то миг ему захотелось умчаться прочь. Но потом, смывая ощущение неловкости, в нем поднялась волна негодования. Он не позволит, чтобы какая-то кислomorдая тетка помешала ему купить заслуженный гостинец для мамы.

– Я возьму два, – сказал он тем самым надменным тоном, который заставлял мать изумленно округлять глаза и спрашивать, в кого, интересно, он такой уродился. – И не тычьте в них своими пальцами, – многозначительно добавил он.

Женщина подняла бровь и бросила взгляд на охранников у пульта транзакции. Никто на Уолдене не любил охранников, но мама Беллами, кажется, прямо-таки боялась их. В последнее время при виде приближающегося патруля она хватала сына за руку и поворачивала в противоположную сторону. Неужели она сделала что-то плохое, и теперь охранники могут схватить и увести ее, как они схватили отца Риллы? «Нет, – сказал он про себя, – я им не позволю».

Он взял свои яблоки и прошагал к пулту транзакции. Работник распределительного центра просканировал его карту и несколько мгновений смотрел на возникшую на экране информацию, а потом пожал плечами и махнул Беллами, чтобы он уходил. Один из охранников проводил его любопытным взглядом, но Беллами смотрел только вперед. Пока мальчик не вышел из распределительного центра, он заставлял себя сдерживать шаг, а потом бросился бежать, прижимая к груди свои пакеты. Он бежал, пока не добрался до коридора, ведущего в его жилой блок.

Войдя в квартиру, Беллами аккуратно закрыл за собой дверь. Ему не терпелось поскорее показать маме, что он ей принес. Мальчик вошел в жилое помещение, но свет не зажегся. Может быть, сенсор опять сломался? Внутри у него слегка екнуло. Мама ненавидела делать запросы в эксплуатационную службу, потому что ей не нравилось, когда в доме чужие. Но сколько времени они смогут прожить в темноте?

– Мама! – крикнул Беллами, бросаясь в ее комнату. – Я вернулся! Я все сделал!

Здесь со светом все было в порядке, и лампы, пробуждаясь к жизни, загудели, стоило ему вбежать в дверь. Но мамина кровать была пуста.

Внутри Беллами поднялась волна ужаса, и он застыл на месте. Она ушла. Нет, ее увели. Он остался совсем один. Но тут до его ушей из кухни донесся приглушенный звук. Беллами вздохнул, его страх сменился облегчением, а потом возбуждением. Мама встала с постели!

Он помчался в кухню. Его мать стояла возле маленького круглого окошка, выходящего на темную лестницу. Одной рукой она держалась за поясницу, словно ей было больно.

– Мам, – позвал Беллами, – посмотри, что я тебе принес.

Она резко втянула в себя воздух, но не обернулась.

– Беллами, – сказала она так, словно он был соседом, который без предупреждения пришел в гости, – ты вернулся. Положи еду на стол и иди к себе в комнату. А я тут побуду.

Разочарование навалилось на него, прижало к полу. Он хотел посмотреть на мамино лицо в тот миг, когда она увидит фрукты.

– Погляди! – настойчиво повторил он и протянул руки вперед, не зная точно, видит ли она отражение яблок в темном, грязном оконце.

Мать посмотрела на него через плечо.

– Что это? – Она прищурилась. – Яблоки? – Мама сжала губы и потерла виски. Так она делала раньше, приходя с работы. До того, как заболела. – Сколько же ты за них... неважно. Просто иди в свою комнату, ладно?

Беллами поставил пакеты на столик возле двери: его ладошки вспотели. Что он сделал не так? Свет вдруг вспыхнул ярче и погас.

– Черт, – пробормотала мама, подняв глаза на потолок. – Беллами, *иди*, – скомандовала она.

По крайней мере Беллами думал, что это были именно ее слова. Она снова отвернулась к окошку, и ее голос в этой темноте казался совсем непривычным, не похожим на себя.

Выскальзывая из кухни, Беллами оглянулся. Мама тоже была не похожа сама на себя. Теперь она стояла к нему боком, и ее огромный круглый живот выглядел так, словно она что-то прячет под рубашкой. Сморгнув, Беллами умчался прочь, убежденный, что глаза его обманули, и старательно игнорируя пробежавший по спине холодок.

– Ну как она?

Беллами поднял глаза и увидел Кларк. Девушка стояла перед ним и тревожно глядела на его спящую сестру.

– Думаю, она в порядке.

– Хорошо. – Кларк подняла слегка обгоревшую бровь. – Потому что вышло бы позорище, если бы ты выполнил свои ночные угрозы.

– А что я говорил?

– Ты сказал, что, если я не вылечу твою сестру, ты взорвешь эту долбаную планету вместе со всем, что на ней есть.

Беллами улыбнулся:

– Планете повезло, что дело всего лишь в растянутых связках.

Склонив голову набок, он пристально и насмешливо посмотрел на Кларк. От усталости вокруг ее глаз залегли фиолетовые тени, но они лишь подчеркнули зеленый цвет радужки. Беллами кольнуло чувство вины за то, что ночью он, похоже, вел себя с ней как скотина. Беллами принял было Кларк за еще одну самодовольную штучку с Феникса, которая учится на врача, потому что это дает ей хороший повод попонтоваться на вечеринках. Однако напряженное выражение ее нежного лица и следы крови в спутанных рыже-золотистых волосах ясно указывали на то, что с момента посадки у нее не было еще ни минутки отдыха.

– А что, – продолжил Беллами, вспомнив слова, сказанные вчера у костра Уэллсом, и то, как отвернулась от него Кларк, – чего ты так обломала Канцлера-младшего?

Кларк посмотрела на него со смесью удивления и гнева. В какой-то миг Беллами показалось, что она сейчас ударит его, но девушка лишь покачала головой:

– Не твое дело.

– Он твой парень? – поднажал Беллами.

– Нет, – категорично отрезала она, но губы ее скривились в сомневающейся улыбке. – Тебе-то что?

– Просто затеял перепись населения Земли, – отозвался Беллами. – В частности, для того, чтобы определить, с кем крутят романы здешние хорошенькие девушки.

Кларк стрельнула глазками, но, как только она повернулась к Октавии, с ее лица исчезла игривость.

– В чем дело? – Беллами перевел взгляд с Кларк на сестру.

– Ни в чем, – быстро сказала Кларк. – Мне просто хотелось бы иметь какой-нибудь антисептик, чтобы обработать эту рану на ее лице. А кое-кому еще очень пригодились бы антибиотики.

– У нас что, нет *никаких* медикаментов? – тревожно нахмурился Беллами.

Кларк с удивлением посмотрела на него.

– Я думаю, все медицинское оборудование и лекарства выпали из челнока во время аварии. Но с нами все будет в порядке, правда, – быстро сказала она. Эти слова вырвались у нее прежде, чем она успела сообразить, как придать этой лжи хоть какое-то правдоподобие. – Какое-то время с нами все будет хорошо. Человеческий организм обладает поразительной

способностью к самовосстановлению... – Девушка замолчала, когда ее глаза остановились на кровавых следах, густо пятнавших его краденую униформу.

Проследив за ее взглядом, Беллами поморщился. Интересно, что она думает о Канцлере? Беллами надеялся, что тот выживет, ведь за лжеохранником и без того тянется шлейф прегрешений. Хотя, наверное, не имеет никакого значения, жив Канцлер или мертв. Кого бы Совет ни включил в следующую экспедицию, Беллами, скорее всего, казнят на месте, несмотря на то что ранение Канцлера было несчастным случаем. Как только Октавия сможет ходить, они с Беллами отправятся в путь. Чтобы отойти от остальных на приличное расстояние, им потребуется несколько дней, а потом они выберут место и постараются там обосноваться. Беллами не зря провел месяцы, штудировав старинную книжку о том, как выжить в лесу (он нашел ее на палубе В). Он должен быть готов ко всему, что может поджидать их в здешних лесах. Наверняка лесные ужасы не опаснее того, что придет с неба.

– Когда она сможет ходить?

Кларк снова повернулась к Беллами.

– У нее довольно неприятное растяжение. Я бы сказала, что ходить она сможет через несколько дней, а полностью поправится через неделю. Или через две.

– А может быть, что она выздоровеет раньше?

Кларк склонила голову набок и подарила Беллами легкую улыбку, на миг заставившую его забыть, что он находится на потенциально токсичной планете в обществе девятилетнего преступника.

– К чему такая спешка?

Но, прежде чем он успел ответить, кто-то окликнул Кларк по имени, и она ушла.

Беллами глубоко вздохнул. К его удивлению, от этого простого действия в голове прояснилось, и он почувствовал себя активнее и собраннее. Возможно, воздух и впрямь был ядовитым, но каждый раз, делая вдох, он ощущал нечто необъяснимое, но интригующее, словно совсем близко от него только что прошла таинственная незнакомка, которую он не смог разглядеть, зато успел почувствовать запах ее духов.

Его внимание привлекли деревья, окружавшие поляну, и он отошел, чтобы лучше рассмотреть их, не теряя при этом из виду Октавию. Деревья не были похожи на те, что он успел узнать, изучая книги. Правда, единственный ботанический справочник, который ему удалось достать на корабле, был посвящен растительности Африки... а Беллами, кажется, слышал слова Уэллса о том, что они приземлились на восточном побережье территории, которая когда-то принадлежала Соединенным Штатам Америки.

Совсем рядом с ним хрустнула ветка. Беллами развернулся и увидел девушку с длинным узким лицом и свалывшимися волосами.

– Я могу тебе чем-то помочь?

– Уэллс сказал, что все, кто не ранен, должны собирать дрова.

Беллами вспыхнул от раздражения и жестко ответил:

– Не думаю, что у Уэллса есть полномочия, чтобы приказывать, поэтому, если с тобой лично все в порядке, я займусь своими делами, о'кей?

Девушка беспокойно отодвинулась и нервно поглядела на него через плечо.

– Иди давай, – сказал Беллами.

Он недвусмысленно указал ей путь и удовлетворенно наблюдал за ее поспешным бегством, а потом вытянул шею и уставился в небо. В каком бы направлении ни смотрели его глаза, они не встречали ничего, кроме пустоты. Какая разница, где они находятся? Любое место на этой планете гораздо лучше мира, который они оставили позади.

Впервые в жизни он был свободен.

Глава 8. Гласс

Остаток ночи Гласс провела на диванчике Люка, благодарная Камилле за то, что та не стала спрашивать, почему она отказалась спать в бывшей комнате Картера. Они решили, что Гласс лучше всего остаться в квартире Люка до шестичасового пересменка, когда у нее будет меньше шансов нарваться на пат руль.

Всю ночь она ворочалась с боку на бок. Каждый раз, когда она меняла позу, браслет больно впивался ей в кожу, напоминая, что она в опасности, а Уэллс в непредставимой дали от Колонии пытается выжить на планете, где триста лет назад наступила ядерная зима. Он, конечно, всегда мечтал увидеть Землю, но не таким образом. Ведь планета, возможно, непригодна для жизни, а отца Уэллса подстрелили прямо у него на глазах.

Лежа в темноте и глядя в потолок, она не могла перестать прислушиваться. Еле слышного шепота за стеной комнаты Люка было достаточно, чтоб все у нее внутри перевернулось. А тишина была во сто крат хуже.

Стоило только свету настроенных на суточный цикл ламп подползти под входную дверь, как Люк и Камилла, зевая, вышли из спальни. Видно было, что они оба не выспались. На Люке уже была гражданская одежда, которую он носил во внеслужебное время, но Камилла надела лишь его старую рубашку, которая едва прикрывала ее стройные бедра. Гласс покраснела и отвернулась.

– Доброе утро.

Сухое официальное приветствие Люка заставило Гласс содрогнуться. В последний раз он шептал эти слова ей на ухо, когда они вместе лежали в кровати.

– Доброе утро, – ответила она, прогоняя непрошенные воспоминания.

– Нужно избавиться от твоего браслета, – Люк жестом указал на ее запястье.

Гласс кивнула, поднялась с дивана и неловко поежилась под взглядом Камиллы, который перебегал с нее на Люка и обратно. В конце концов Камилла скрестила руки на груди и сказала, обращаясь к Люку:

– Ты уверен, что это хорошая идея? А вдруг кто-нибудь тебя увидит?

Люк помрачнел.

– Мы это уже обсуждали, – сказал он спокойно, но Гласс слышались в его голосе сердитые нотки. – Если мы ей не поможем, ее *убьют*. Так что все правильно.

«Все правильно», – мысленно повторила Гласс его слова. Вот и все, что имеет теперь значение: сама она ничего уже для него не значит, он просто не хочет, чтоб у него на совести была ее смерть.

– Лучше уж ее, чем тебя, – сказала Камилла дрожащим голосом.

Люк наклонился и поцеловал ее в макушку.

– Все будет хорошо. Я отведу ее обратно на Феникс и сразу вернусь домой.

Камилла вздохнула и бросила Гласс штаны и рубашку.

– Держи, – сказала она. – Я знаю, эта одежда не дотягивает до высоких стандартов Феникса, но в ней ты будешь выглядеть поубедительнее. С такими волосами ты не слишком-то похожа на сантехника.

Она сжала ладонь Люка и скользнула обратно в его спальню, оставив Люка и Гласс наедине.

Гласс помялась, неловко держа в руках одежду. Какое-то мгновение они просто смотрели друг на дружку. Когда они виделись в последний раз, она бы переоделась при нем, даже не задумавшись.

– Я, наверно... – Она запнулась и махнула рукой в сторону комнаты Картера.

– О, – сказал Люк, слегка покраснев, – нет, я просто... я сейчас вернусь, – и он ретировался в спальню.

Гласс переделалась так быстро, как смогла, стараясь не обращать внимания на доносящийся из-за двери шепот, раздражавший ее, как булабочные уколы.

Когда Люк вернулся, Гласс уже надела болтавшиеся на бедрах свободные серые штаны и шершавую синюю футболку, которая сразу стала кусать ей кожу. Он критически осмотрел этот наряд.

– Все равно что-то не так, – сказал он. – Ты не похожа на заключенного, но и не выглядишь как местная девушка.

Гласс принялась застенчиво разглаживать ладошкой мятые брюки, удивляясь, что Люк выбрал девушку, которая ходит дома в такой одежде.

– Дело не в этом, – сказал он, – а в твоих волосах. На Уолдене девушки не отращивают их до пояса.

– Почему? – спросила она, ощущая легкий укол вины из-за того, что никогда не обращала на это внимания.

Люк рылся в небольшом стенном шкафчике.

– Возможно, потому, что за такими волосами слишком трудно ухаживать, а квота потребления воды на Уолдене значительно меньше, чем на Фениксе. – Он обернулся к Гласс и с видом победителя протянул ей старенькую, покрытую пятнами кепчонку.

Гласс слабо улыбнулась:

– Спасибо. – Она взяла кепку и нахлобучила ее на голову.

– Не думаю, что этого достаточно, – смерив девушку хмурым взглядом, Люк снял с нее головной убор. Держа его в одной руке, другой он собрал волосы Гласс и осторожно скрутил их на макушке. – Вот так, – удовлетворенно произнес он, нахлобучивая кепку поверх узла.

Они помолчали. Люк медленно протянул руку и убрал несколько выбившихся прядок за ухо Гласс. Его жесткие пальцы задержались у нее на шее: он, не мигая, смотрел ей в глаза.

– Готово? – спросила Гласс, отступая в сторону и развеивая волшебство.

– Да. Идем, – натянуто сказал Люк, отворачиваясь и увлекая ее за собой в коридор.

Суточное освещение на Уолдене было более скудным, чем на Фениксе, поэтому, хотя технически уже наступило утро, в коридорах по большей части было темно. Гласс не могла сказать, куда ведет ее Люк, и сжала в кулаки руки, чтобы они случайно не попытались дотянуться до любимого.

В конце концов, Люк остановился перед еле различимой в полутьме дверью, вытащил из кармана предмет, который Гласс не смогла разглядеть, и поднес его к сканеру. Раздался характерный звуковой сигнал, и дверь отъехала в сторону. Внутренности Гласс скрутило, когда она поняла, что, куда бы Люк ее ни привел, он оставил за собой след, залогинившись и введя код доступа. Она не могла спокойно думать о том, что может случиться с Люком, если Совет установит его связь с беглой преступницей.

Но выбора у нее не было. После того как она попрощается с мамой, ей останется только ждать, когда ее найдут охранники. Она не станет пытаться снова увидеть Люка, не будет просить его рисковать ради нее. Только не после того, что она совершила.

В помещении еле-еле мерцал слабый свет, освещая грязно-желтым какое-то незнакомое Гласс оборудование.

– Где это мы? – спросила она, и эхо подхватило ее голос.

– В одной из старых мастерских. Когда-то здесь чинили сделанное на Земле оборудование, пока его не заменили. Я иногда прихожу сюда позаниматься.

Гласс хотела было спросить, чем это охранник занимается в таком месте, но оборвала себя. Она вечно забывала, что Люк попал в инженерно-техническую службу охраны, уже начав учиться на механика. Он редко говорил об этой стороне своей жизни. Оглянувшись на соб-

ственное прошлое, Гласс задним числом устыдилась, что не стремилась побольше узнать о мире, в котором жил Люк. Неудивительно, что он ушел к Камилле.

Стоя у огромного агрегата и сосредоточенно хмуря брови, Люк нажимал какие-то кнопки.

– Что это? – спросила Гласс, когда агрегат зловеще загудел.

– Лазерный резак, – ответил Люк, не поднимая глаз.

Гласс прижала запястье с браслетом к груди.

– Ни за что! – сказала она.

Во взгляде Люка в равных пропорциях смешались удивление и злость.

– Никаких споров. Чем скорее мы снимем с тебя эту штуку, тем выше будут твои шансы спрятаться.

– А нельзя просто выяснить, как он отпирается?

Люк отрицательно покачал головой:

– Его надо распилить.

Гласс не двинулась с места, и он со вздохом протянул руку, маня ее к себе:

– Иди сюда, Гласс.

Но ее ступни словно приросли к полу. Хоть она и провела последние полгода, воображая, как Люк позовет ее к себе, в этих фантазиях никогда не фигурировали травмоопасные механизмы.

Люк приподнял бровь:

– Гласс?

Девушка сделала опасливый шаг вперед. Непохоже, чтобы у нее был выбор. Лучше уж станок Люка, подчистую срезающий ее кисть, чем инъекция смертельного яда в вену.

Люк похлопал по горизонтальной поверхности в центре станка:

– Клади сюда руку. – Он щелкнул переключателем, и агрегат загудел.

Гласс передернуло, когда ее кожа соприкоснулась с холодным металлом.

– Все будет в порядке, – сказал Люк, – я обещаю. Просто стой спокойно.

Слишком напуганная, чтобы говорить, Гласс только кивнула.

Гул продолжался, вскоре к нему присоединился высокий пронзительный скрежет. Люк произвел еще ряд каких-то манипуляций, а потом подошел и встал прямо напротив Гласс:

– Ты готова?

Она нервно сглотнула:

– Да.

Положив левую руку на ее запястье, правой Люк потянул в ее сторону какой-то рычаг. К своему ужасу, Гласс увидела тонюсенькую линию красного света, пульсирующую опасной энергией. Девушку затрясло, но Люк лишь крепче вцепился в ее руку, приговаривая:

– Все нормально, только не дергайся.

Красный свет приближался, и Гласс кожей почувствовала жар. Лицо Люка выражало сосредоточенность; не сводя глаз с запястья девушки, он неуклонно двигал лазер вперед.

Гласс сомкнула веки, собираясь с силами, чтобы терпеть мучительную боль, которая обрушится на нее, когда нервы потеряют контакт с кистью руки.

– Прекрасно! – раздался посреди этого ужаса голос Люка.

Открыв глаза, девушка увидела, что ее запястье свободно, а браслет аккуратно распилен на две части.

Она снова могла дышать, и ее дыхание было неровным:

– Спасибо.

– Пожалуйста, – Люк улыбнулся ей. Его рука все еще сжимала ее руку.

Когда они выскользнули из мастерской и пошли обратно к крытому переходу, никто из них не произнес ни слова.

– Что случилось? – шепнул Люк, увлекая Гласс за угол, туда, где начиналась лесенка, более узкая и темная, чем любая лестница на Фениксе.

– Ничего.

Раньше Люк нагнулся бы, взял ее за подбородок и смотрел ей в глаза, пока она не хихикнула бы. «Рапунцель, ты кошмарная врунишка», – сказал бы он, намекая на сказку про девушку, волосы которой, стоило ей солгать, вырастали до пят. Но на этот раз ложь Гласс просто повисла в воздухе.

– Как тебе жилось? – спросила она наконец, когда у нее больше не осталось сил молчать.

Люк поглядел на нее через плечо и вскинул брови:

– Ну, ты знаешь, если не считать того, что меня бросила любимая девушка, а потом лучшего друга казнили за пустяковый проступок, в общем и целом неплохо.

Слова как обухом ударили по голове Гласс, и она вся сжалась. Никогда раньше в голосе Люка не было столько горечи.

– Но, в конце концов, появилась Камилла...

Гласс кивнула, но, украдкой бросая взгляд на знакомый профиль Люка, она чувствовала, как в ее сознании вспыхивают яркие и опасные огоньки возмущения. Из-за чего ее, по его мнению, арестовали? Что она сделала? Почему он не выразил удивления или любопытства? Неужели он считает, что она настолько испорчена, что совершила преступление?

Люк резко остановился, и Гласс налетела на него.

– Извини, – пробормотала она, стараясь удержаться на ногах.

– Твоя мать знает, что с тобой случилось? – спросил Люк, обращая к ней лицо.

– Нет, – сказала Гласс. – В смысле, она знала, что я в Тюрьме, но ей ничего не известно об экспедиции на Землю.

Канцлер ясно дал им понять, что их миссия совершенно секретна. Родителям путешественников ничего не скажут, пока не станет абсолютно очевидным, что их дети выжили, – или пока Совет не убедится, что они никогда не вернутся.

– Хорошо, что ты собираешься ее повидать.

Гласс ничего не сказала. Она знала, что он думает сейчас о своей собственной матери, которой не стало, когда ему было всего двенадцать. Поэтому он долгое время и жил с соседом Картером, уже достигшим восемнадцатилетия.

– Да, – дрожащим голосом произнесла она наконец. Она отчаянно хотела повидаться с мамой, но даже теперь, когда она избавилась от браслета, охранникам не потребуется много времени, чтобы найти ее. Что важнее? Попрощаться с мамой или не причинить ей боли, которую она наверняка ощутит, глядя, как дочь уводит на верную смерть? – Нам надо идти.

Они в молчании шагали по галерее, и Гласс упивалась зрелищем сияющих звезд. Она даже не догадывалась, как сильно любит открывающийся отсюда вид, пока не оказалась запертой в крохотной камере без окон. Девушка покосилась на Люка, не понимая, испытывает ли она боль или, наоборот, облегчение от того, что он даже не взглянул на нее.

– Тебе пора возвращаться, – сказала Гласс, когда они добрались до контрольно-пропускного пункта Феникса, где, как и обещал Люк, не было охраны. – Со мной все будет в порядке.

Люк сжал челюсти и горько улыбнулся.

– Хотя ты теперь и беглый зэк, я все еще недостаточно хорош, чтобы познакомиться с твоей мамой.

– Я совсем не это имела в виду, – сказала она, думая о следе, который они уже оставили за собой. – Просто помогать мне опасно. Я не хочу, чтобы ты рисковал из-за меня жизнью. Ты и так уже многое для меня сделал.

Люк набрал полную грудь воздуха, будто собираясь что-то сказать, но потом просто кивнул.

– Тогда ладно.

Еле сдерживая слезы, она постаралась улыбнуться.

– Спасибо тебе за все.

Выражение лица Люка слегка смягчилось.

– Удачи тебе, Гласс.

Он начал склоняться к ее лицу, и Гласс ничего не могла с собой поделать, по привычке потянувшись к нему, но тут он подался назад, с почти физическим усилием разорвав контакт между их взглядами. Не сказав больше ни слова, Люк развернулся и бесшумно двинулся туда, откуда они только что пришли. Гласс смотрела ему вслед, и ее губы жаждали прощального поцелуя, которым они никогда не обменяются.

Гласс добралась до своей квартиры и, вскинув кулак, легонько постучала. Дверь открылась, и из-за нее выглянула мать Гласс, Соня. За какой-то миг на ее лице промелькнула целая гамма чувств – удивление, радость, замешательство и страх.

– Гласс?! – выдохнула она и потянулась к дочери, словно чтобы убедиться, что та на самом деле здесь. Гласс с благодарностью упала в материнские объятия, упиваясь знакомым запахом ее духов. – Я думала, что никогда больше тебя не увижу, – с этими словами Соня втащила Гласс в квартиру и закрыла дверь. Отступив на шаг, Соня посмотрела на дочь. – Я ведь все время считала дни до твоего восемнадцатилетия. – Ее голос упал до шепота: – Осталось всего три недели.

Схватив мать за холодную влажную руку, Гласс увлекла ее на диван и сказала:

– Нас собирались отправить на Землю. Сто заключенных... – Гласс сделала глубокий вдох. – И я должна была стать одной из них.

– На Землю? – медленно повторила Соня, словно стараясь лучше понять смысл собственных слов. – О, боже мой.

– Но перед запуском произошла стычка. Канцлер... – Голова Гласс пошла кругом, когда девушка вспомнила инцидент на взлетной палубе. Она изо всех сил взмолилась, чтобы с Уэллсом все было в порядке, чтобы там, на Земле, он воссоединился с Кларк, а не страдал от одиночества. – Началась суматоха, и я смогла сбежать, – продолжала Гласс: в эту минуту подробности были неважны. – Я пришла просто сказать, что люблю тебя.

Глаза матери расширились.

– Так вот как подстрелили Канцлера! Ох, Гласс, – прошептала она, обнимая дочь.

В коридоре раздались звуки шагов, и Гласс вздрогнула, опасливо посмотрев на дверь. Потом она снова повернулась к маме.

– Я больше не могу тут оставаться, – сказала девушка, с трудом поднимаясь на ноги.

– Подожди! – Соня вскочила, схватила дочь за руку и усадила обратно на диван, вцепившись в ее запястья. – Канцлер в реанимации, а это значит, что главный сейчас Вице-канцлер Родос. Так что пока не уходи, – Она помолчала. – У него совсем другой подход к... правлению. Есть шанс, что он тебя помилует. Его можно убедить, – Соня встала и подарила дочери улыбку, которая мало чего добавила к блеску ее глаз. – Подожди меня тут.

– Тебе надо уйти? – тоненьким голоском спросила Гласс. У нее не было сил прощаться. Только не сейчас, когда каждое расставание могло стать последним.

Мать нагнулась и поцеловала Гласс в лоб.

– Я ненадолго.

Девушка посмотрела, как Соня, спешно накрасив губы, выскользнула в еще пустой коридор, а потом подтянула колени к груди и крепко-крепко обхватила их руками, словно стараясь не дать распирающим ее чувствам выплеснуться наружу.

Гласс точно не знала, сколько времени она спала. Когда она лежала, свернувшись калачиком, на диванных подушках, которые еще помнили форму ее тела, ей казалось возможным, что последние полгода были просто кошмарным сном. Не могла же она, в самом деле, прове-

сти их в заключении, в камере, в которой не было ничего, кроме двух металлических коек, молчания, буйной сокамерницы с Аркадии и призрачных рыданий, которые оставались с ней даже тогда, когда все слезы давным-давно высохли.

Открыв глаза, она увидела, что мать сидит рядом на диване, поглаживая ее спутанные волосы.

– Я обо всем позаботилась, – мягко сказала она. – Ты помилована.

Гласс вскинула ресницы.

– Как? – спросила она. Удивление прогнало образ Люка, который все еще маячил под ее опущенными веками первые мгновения после пробуждения. – Почему?

– Народ все больше тревожится, – объяснила мама. – За весь прошлый год никто из осужденных подростков не был помилован, и это заставляет людей сомневаться в эффективности системы правосудия. Ты станешь исключением, подтверждением того, что система по-прежнему работает как положено и что тем, кто может быть полезен людям, дается шанс вернуться в общество. Конечно, пришлось постараться, но в конце концов мне удалось убедить Вице-канцлера принять мою точку зрения.

– Мам... я не могу... я... спасибо, – не зная, что еще сказать, Гласс улыбнулась, приподнялась на диване и положила голову матери на плечо. Неужели она свободна? Она почти не могла понять смысл этого слова.

– Не надо благодарить меня, солнышко. Я на все для тебя готова. – Соня заправила за ухо Гласс прядку выбившихся волос и улыбнулась. – Просто помни, что ты никому не должна рассказывать об экспедиции на Землю. Я пообещала это.

– Да, но что с ребятами? С Уэллсом все в порядке? Ты можешь про него узнать?

Соня тряхнула головой:

– Запомни, никакой миссии не было. Важно лишь то, что ты теперь в безопасности. Тебе дается второй шанс, – тихонько прошептала мать, – пообещай мне, что ты не будешь делать глупостей.

– Обещаю, – сказала Гласс, в сомнениях качая головой. – Я обещаю.

Глава 9. Кларк

Кларк выскользнула из отведенной под лазарет палатки и вышла на поляну. В палатке не было такой роскоши, как окна, но она все равно почувствовала, что занимается рассвет. Небо вдруг наполнилось цветом, а острый аромат воздуха разбередил в ее мозгу какие-то нервные окончания, о существовании которых она раньше даже не подозревала. Ей хотелось бы поделиться впечатлениями с теми двумя людьми, которые когда-то разбудили в ней страстное желание увидеть Землю, но Кларк знала – такого шанса у нее никогда не будет. Ее родители мертвы.

– Доброе утро.

Кларк одеревенела. Почти невероятно, что когда-то голос Уэллса был самым ее любимым звуком во Вселенной. Это Уэллс стал причиной смерти ее родителей, это из-за него их тела дрейфуют в глубинах космоса, все дальше и дальше удаляясь от всего, что они знали и любили при жизни. В момент слабости Кларк доверила Уэллсу тайну, которая ей не принадлежала. И хотя Уэллс поклялся собственной душой сохранить эту тайну, не прошло и суток, как он примчался к своему отцу. Он так отчаянно старался быть идеальным сыном своего отца и сообщества Феникса, что предал девушку, которую якобы любил.

Кларк обернулась и посмотрела ему в лицо. Ничто не удерживало девушку от враждебного выпада, но ей хотелось любой ценой избежать столкновений. Она попыталась, широко шагая, пройти мимо Уэллса, тот схватил ее за руку:

– Подожди секунду, я просто хотел...

Кларк вырвалась и прошипела:

– Не трогай меня.

Уэллс отступил, его глаза расширились.

– Извини, – сказал он ровно, но Кларк увидела боль на его лице.

Она всегда могла сказать, что именно чувствует Уэллс. Он был ужасным лжецом, но обещание сохранить ее тайну в свое время дал совершенно искренне. Просто потом что-то заставило его передумать, и родители Кларк заплатили за это высокую цену.

Уэллс не двигался с места.

– Я просто хотел убедиться, что с тобой все нормально, – тихо сказал он. – Сегодня мы собираемся закончить разбирать обломки. Твоим пациентам что-то нужно?

– Да. Стерильная операционная, капельницы, медицинский сканер, *настоящие* врачи...

– Ты делаешь гигантскую работу.

– Я делала бы ее гораздо лучше, если бы провела предыдущие полгода на практике в больнице, а не в Тюрьме.

На этот раз Уэллс успел подготовиться к атаке, и его лицо осталось бесстрастным.

Небо становилось все ярче, заливая поляну почти золотым светом, благодаря которому все предметы вокруг выглядели так, будто кто-то всю ночь наводил на них глянец. Трава в блестящих капельках воды казалась еще зеленее. На кустарнике, который еще вчера выглядел совершенно заурядно, распустились пурпурные цветы. Их длинные, заостренные на концах лепестки тянулись к солнцу, волнуясь на ветру, словно танцующая под им одним слышимую музыку.

Казалось, Уэллс прочел ее мысли.

– Если бы тебя не арестовали, ты никогда не оказалась бы здесь, – быстро сказал он.

Кларк вскинула голову, чтобы встретиться с ним взглядом.

– Я что, по-твоему, должна тебя благодарить за то, что ты сделал? Я видела, как ребята *умирали*. Ребята, которые никогда не хотели прилететь сюда, но им пришлось, потому что всякие засранцы вроде тебя отправили их на разведку, чтобы почувствовать собственную важность.

– Я совсем не это имел в виду. – Уэллс вздохнул и посмотрел ей прямо в глаза. – Мне очень жаль, Кларк. Я даже сказать тебе не могу, как мне жаль. Но это все не для того, чтобы *почувствовать важность*. – Он двинулся было к ней, но потом одумался и счел за лучшее вернуться в исходную позицию. – Ты мучилась, а я хотел помочь. Я не мог выносить твоих страданий. Я просто хотел, чтобы твоя боль ушла.

От нежности в его голосе у Кларк внутри все перевернулось.

– Моих родителей убили, – сказала она тихо, в который раз представляя себе эту сцену. Мать, застывшая от укола иглы, ее тело постепенно парализует, пока не настанет последний ужасный момент, когда живым остается только ее мозг. Предложили ли ей, по обычаю, последнюю трапезу? У Кларк останавливалось дыхание, когда она представляла себе безжизненное тело отца в похоронной капсуле, его пальцы, покрасневшие от сока съеденных в одиночестве ягод. – Такая боль никогда не пройдет.

Мгновение они просто смотрели друг на друга, и их молчание, казалось, почти обрело форму и вес. Но вдруг Уэллс отвел глаза и повернул голову к деревьям у них за спиной. Где-то в листве слабо звучала музыка.

– Ты это слышишь? – шепотом спросил Уэллс, не глядя на нее.

Песня была одновременно навязчивая и радостная, как первые несколько нот элегии по угасшей звезде. Но как только Кларк почувствовала, что ее сердце вот-вот разорвется от этого сладко-горького очарования, мелодия воспарила, возвещая наступление дня.

Птицы. Самые настоящие птицы. Кларк не могла их видеть, но знала, что это они. Интересно, слышали ли птиц первые колонисты, садясь в свои корабли, чтобы улететь с планеты? Провожали ли птицы их своими трелями? Или эти создания уже присоединили свои голоса к реквиему по умирающей Земле?

– Это невероятно, – сказал Уэллс, улыбаясь Кларк той самой улыбкой, которую она знала с давних пор.

Кларк вздрогнула. Это было все равно что увидеть призрака – призрака парня, которому она отдала свое сердце. Да, она оказалась достаточно глупа, чтобы так поступить.

Кларк не могла сдержать улыбку, глядя, как Уэллс мнетя перед ее входной дверью. Его всегда нервировали поцелуи на людях, а с тех пор, как он стал посещать курсы офицеров, это его свойство только усилилось. Уэллсу было ужасно неловко нежничать со своей девушкой, когда на нем форма. Какое невезение, думала Кларк, ведь именно в такие моменты ей сильнее, чем обычно, хотелось его поцеловать.

– Завтра увидимся. – Она прижала к сканеру подушечку большого пальца.

– Подожди, – сказал Уэллс и быстро оглянулся через плечо, прежде чем взять ее за руку. Кларк вздохнула.

– Уэллс, – начала она, пытаясь высвободиться, – мне надо идти.

Усмехнувшись, он сжал ее еще крепче.

– Твои родители дома?

– Да. – Она кивнула в сторону двери. – Я опаздываю к обеду.

Уэллс выжидающе смотрел на нее. Он предпочел бы отобедать с ее семьей, вместо того чтобы в молчании сидеть за столом в обществе своего отца, но Кларк не могла пригласить его. Не сегодня.

Уэллс склонил голову набок.

– На этот раз я не буду морщиться, что бы твой отец ни добавил в протеиновую пасту. Я потренировался. – На его лице появилась утрированно лучезарная улыбка, и он принялся с энтузиазмом кивать головой: – Мм, как вкусно!

Кларк горестно поджала губы, а затем решительно ответила:

– У меня личный разговор к родителям.

Лицо Уэллса стало серьезным.

– Что случилось? – Он выпустил руку Кларк и дотронулся до ее щеки. – Все нормально?

– Все в порядке.

Она увернулась от него и опустила глаза, которые могли выдать ее ложь. Кларк должна была сказать родителям, что думает об их экспериментах, и она больше не могла откладывать этот разговор.

– Ну тогда ладно, – медленно сказал Уэллс, – завтра увидимся?

К удивлению Кларк, вместо обычного поцелуя в щечку Уэллс обвил ее руками и притянул к себе. Когда он коснулся губами ее губ, она на миг забыла обо всем на свете, кроме его тела. Но, закрывая за собой входную дверь, Кларк ощутила, как трепет от прикосновений Уэллса сменился холодком страха.

Родители сидели на диване и одновременно обернулись к вошедшей дочери.

– Кларк, – улыбаясь, мать поднялась ей навстречу, – Уэллс тебя провожал? Может быть, он хотел бы с нами пообщаться...

– Нет, – ответила Кларк резче, чем хотела, – ты не могла бы присесть? Мне нужно с вами поговорить.

Она прошла через всю комнату и, дрожа, уселась на стул лицом к родителям. В ней боролись два противоположных чувства: испепеляющая ярость и отчаянная надежда. Кларк нуждалась в том, чтобы родители во всем ей признались – это послужило бы оправданием ее гневу, – но при этом отчаянно молилась, чтобы у них нашлось хоть какое-нибудь убедительное объяснение.

– Я подобрала пароль, – честно объявила Кларк. – Я была в лаборатории.

Глаза ее матери широко раскрылись. Она осела обратно на диван, потом глубоко вздохнула, и на миг Кларк показалось, что сейчас мама попробует все объяснить, что у нее найдутся слова, которые все исправят. Но она прошептала слова, от которых Кларк содрогнулась:

– Я сожалею.

Отец взял свою жену за руку, не сводя глаз с дочери.

– И я сожалею, что тебе пришлось это увидеть, – тихо сказал он. – Я знаю, это выглядит... шокирующе. Но им не больно. Мы проверяли и уверены в этом.

– Как вы могли? – Собственные слова показались ей неубедительными, чересчур легковесными, но Кларк не могла придумать, что еще сказать. – Вы экспериментируете на людях. *Надتهاх.*

Ее замутило от собственных слов, и она почувствовала в горле привкус желчи.

Мать прикрыла глаза.

– У нас не было выбора, – мягко сказала она. – Мы многие годы разными способами исследовали радиацию, и ты это знаешь. Когда мы доложили Вице-канцлеру о невозможности собрать убедительный фактический материал без экспериментов над людьми, мы думали, что он сочтет наше исследование тупиковым. Но вместо этого мы... – Ее голос надломился. Она не закончила предложения, но Кларк и не нуждалась в этом. – У нас не было выбора, – безнадежно повторила она.

– Выбор есть всегда, – дрожа, сказала Кларк. – Вы могли отказаться. Я скорее дала бы *убить* себя, чем согласилась бы на такое.

– Но он не грозил убить нас, – голос отца звучал раздражающе тихо.

– Тогда какого черта вы за это взялись? – резко спросила Кларк.

– Он грозил убить *тебя*.

Птичье пение стихло, и на смену ему пришла насыщенная тишина, словно музыка пропитала собой безмолвие, наполняя воздух мелодией.

– Вот это да, – тихонько произнес Уэллс. – Это было потрясающе.

Его лицо все еще было обращено к деревьям, но рука тянулась в сторону Кларк, словно он пытался дотронуться сквозь время до девушки, которая любила его когда-то.

Чары были разрушены. Кларк будто окаменела и без единого слова направилась обратно к лазарету.

В палатке было темно, и Кларк, споткнувшись у входа, чуть не упала. Ее занимали мысли, что вон тому парню нужно сменить повязку на ногу, а вон той девушке с раной на бедре лучше бы наложить швы. Она наконец-то нашла контейнер с настоящими бинтами и хирургической нитью, но от него не будет большой пользы, если не удастся обнаружить аптечку. Под обломками челнока ее не оказалось. Скорее всего, аптечку во время крушения отбросило куда-то далеко.

Талия лежала на одной из коек. Она все еще спала и, кажется, держалась нормально. С тех пор как Кларк нашла подругу истекающей кровью с ужасной раной в боку, она уже трижды сделала той перевязку.

От воспоминания о том, как Кларк зашивала рану, ее желудок взбунтовался. Она надеялась, что Талия ничего не вспомнит об этой процедуре. Ее подруга тогда потеряла сознание от боли и до сих пор то приходила в себя, то снова проваливалась в беспамятство. Кларк опустилась на колени перед ее кроватью, убрала со лба Талии завиток влажных волос и, когда глаза той раскрылись, прошептала:

– Привет. Как ты себя чувствуешь?

Раненая слабо улыбнулась. Казалось, для этого действия ей пришлось собрать все силы, которые еще оставались в ее теле.

– Просто прекрасно, – сказала она, но тут же поморщилась, а в ее глазах заплескалась боль.

– Раньше ты врала гораздо лучше.

– Я никогда не врала. – Ее голос был хриплым, но все еще полнился фальшивым негодованием. – Я просто сказала тому охраннику, что у меня больная шея, и мне нужна еще одна подушка.

– А потом убедила его, что виски с черного рынка поможет тебе перестать пить во сне, – с улыбкой добавила Кларк.

– Ага. Так жаль, что Лиза не захотела больше играть в наши игры.

– И что ты не можешь не фальшивить даже ради спасения собственной жизни.

– Это было очень здорово! – запротестовала Талия. – Ночной сторож был на все готов, лишь бы я заткнулась.

Кларк с улыбкой покачала головой:

– И после этого ты говоришь, что девушки с Феникса чокнутые. – Она указала жестом на тонкое одеяло, которым была укрыта Талия. – Можно?

Талия кивнула. Кларк откинула одеяло и сняла бинты, стараясь удержать на лице нейтральное выражение. Кожа вокруг раны покраснела и припухла, а сама рана загноилась. Кларк знала, что сама по себе рана была наименьшей из их проблем. Она выглядела очень неприятно, но в медицинском центре они лечили подобные на «раз-два-три». Настоящую угрозу таила в себе инфекция.

– Все так плохо? – тихо спросила Талия.

– Нет, все отлично. – В устах Кларк ложь прозвучала привычно и естественно, но глаза, помимо воли, скользнули к соседней койке, где провел последние часы умерший накануне парень.

– Ты в этом не виновата, – тихо сказала Талия.

– Я знаю, – вздохнула Кларк. – Мне просто жаль, что он умер в одиночестве.

– Он был не один. С ним был Уэллс.

– Как? – недоуменно спросила Кларк.

– Уэллс несколько раз приходил его проводить. Думаю, в первый раз Уэллс пришел поискать тебя, но увидел, как страдает этот парень...

– Точно? – Кларк сомневалась, можно ли верить словам Талии. В конце концов, та большую часть времени была без сознания, и ей просто могло померещиться.

– Точно, он, – раздался другой голос. Кларк обернулась и увидела Октавию. Та сидела с игривой улыбкой на лице. – Не каждый день сам Уэллс Яха приходит посидеть у твоей постельки.

Кларк посмотрела на нее с недоверием:

– А ты-то откуда знаешь Уэллса?

– Они с отцом несколько лет назад навещали детский центр, где я жила. Девчонки потом неделями об этом терли. Он же типа суперзвезды.

Кларк мимоходом улыбнулась уолденскому сленгу Октавии, а та продолжала:

– Я спросила, помнит ли он меня, и он сказал, что помнит. Но он слишком большой джентльмен, чтобы сказать, что нет. – Октавия театрально вздохнула и поднесла ко лбу тыльную сторону ладони. – Увы. Единственный, кого я могла бы полюбить.

– Эй, а я как же? – Парнишка, которого Кларк считала спящим, ожег Октавию страстным взглядом, и та послала ему воздушный поцелуй.

Кларк только покачала головой и снова повернулась к Талии, переводя взгляд с лица подружки на ее инфицированную рану и обратно.

– Не очень хороший знак, да? – тихо спросила Талия, и в ее осипшем голосе зазвучали нотки усталости.

– Могло быть и хуже.

– Ты что-то тоже совсем разучилась врать. Что происходит? – Талия подняла брови. – Это ты от любви, что ли, смягчаешь?

Кларк, мигом напрягшись, отдернула руку от одеяла Талии.

– Это ты от раны, что ли, бредишь? – Бросив взгляд через плечо, она с облегчением отметила, что Октавия с головой ушла в разговор с парнем с Аркадии. – Ты же *знаешь*, что он сделал со мной. – Ощувив внезапный приступ тошноты, она некоторое время помолчала и добавила: – И что он сделал с моими родителями.

– Конечно, я знаю. – Талия смотрела на Кларк со смесью жалости и разочарования. – Но еще я знаю, что он рискнул лететь сюда. – Она улыбнулась. – Он любит тебя, Кларк. Той самой любовью, которую большинство людей ищут всю жизнь.

Кларк вздохнула:

– Ну для твоего же блага надеюсь, что ты ее никогда не найдешь.

Глава 10. Беллами

От того, как менялось все вокруг в течение дня, можно было просто сойти с ума. По утрам все казалось свежим, новым, даже в воздухе ощущалась какая-то острота. Наступал день, и свет растушевывался, а цвета смягчались. Что Беллами особенно нравилось на Земле, так это непредсказуемость. Земля, словно кокетливая девчонка, держала в напряжении, заставляя строить догадки. Его всегда привлекали именно такие.

С другого края поляны донесся смех. Беллами оглянулся и увидел двух девушек. Они сидели на одной из нижних ветвей дерева и хихикали над пареньком, который пытался к ним залезть. Девушки шлепали его по всем доступным частям тела и смеялись. Неподалеку горстка ребят с Уолдена перекидывались туфлями аркадийской девушки; владелица туфель, смеясь, босиком носилась между парнями по траве, пытаясь вернуть свою собственность. Жаль, что Октавия еще не совсем поправилась и не может присоединиться к ним, ведь в ее жизни было так мало радости, кольнула Беллами мимолетная мысль. Хотя, может быть, и лучше, что она не успеет ни к кому тут по-настоящему привязаться. Как только ее лодыжка окончательно заживет, они с Беллами уйдут на поиски лучшей доли.

Беллами разорвал мятую упаковку пищевого брикета и отправил в рот половину ее содержимого, а вторую половину, бережно завернув, сунул обратно в карман. После того как ребята разобрали все, что сохранилось под обломками, обнаружилось, что тревожились они не зря: у них был только тот запас провианта, который они на шли в первый же день после приземления: этих пищевых брикетов хватит лишь на несколько недель. Либо Совет считал, что сотня путешественников найдет чем прокормиться на месте, когда эти недели закончатся... либо не предполагал, что юные арестанты смогут прожить так долго.

Грэхем на правах сильнейшего конфисковал у народа большую часть добытых на корабле брикетов и вроде бы сдал их аркадийцу по имени Ашер для распределения, но в их маленьком сообществе уже зародился черный рынок: пищевые брикеты выменивались на одеяла, а питьевая вода – на места в переполненных палатках. Уэллс потратил целый день, пытаясь убедить всех ввести более упорядоченную систему. Ему удалось заинтересовать многих, но, несмотря на это, Грэхем даже и не подумал прекратить свою деятельность.

Смех на более короткой части буквы «Г» сменился криками, и Беллами снова повернулся в ту сторону.

– Дай сюда! – крикнул один из уолденцев, вырывая что-то у другого.

Беллами поспешил на крик, потому что понял, – это топор. Первый парень держал его обеими руками за топориче и тянул на себя, а второй норовил ухватиться за лезвие.

Остальные ребята сбежались к сцепившимся, но вместо того, чтоб разнимать их, метались между деревьев, хватая с земли разбросанное холодное оружие: топоры, ножи, даже копья. Беллами улыбнулся, наткнувшись взглядом на лук со стрелами.

Только сегодня утром он обнаружил звериные следы – уводящие в глубь леса треклятые настоящие следы. Его находка вызвала серьезный ажиотаж, собрав как минимум три дюжины умников, которые высказывали всякие полезные мысли вроде «Наверно, это не птица» или «Выглядит так, будто у него четыре ноги». Наконец Беллами заметил, что это следы копыт, а значит, оставившее их животное, скорее всего, травоядное. Следовательно, его можно поймать и съесть. Он с самого начала надеялся, что тут, на Земле, ему удастся поохотиться, и вот удача наконец улыбнулась – нашлось оружие. Он надеялся, что, прежде чем кончатся пищевые брикеты, они с Октавией успеют уйти далеко, но собирался использовать все шансы.

– Замрите все! – прозвучало вдруг над всей этой суетой.

Беллами увидел, как у границы леса появился Уэллс.

– Нельзя, чтобы сейчас кто попало взял себе оружие. Вначале нужно рассортировать эти штуки, *а потом* уже решать, кому их можно доверить.

Ответом был шквал возмущенных возгласов и вызывающих взглядов.

– Вот этот парень взял в заложники Канцлера, – продолжал Уэллс, указывая на Беллами, который уже забросил за плечо колчан с луком и стрелами, – кто знает, на что еще он способен? Вы что, хотите, чтоб кто-то *вроде него* расхаживал тут с оружием? – Уэллс задрал подбородок. – Мы должны, по крайней мере, поставить этот вопрос на голосование.

Беллами не смог сдержать смех. Что, в конце концов, вообразил о себе этот пацанчик? Он потянулся, подобрал с земли нож и двинулся в сторону Уэллса.

Уэллс не двинулся с места, и Беллами желал бы знать, чего ему это стоило. А может быть, Уэллс не был таким слабаком, каким выглядел? Только когда нож, казалось, должен был уже вонзиться в грудь Уэллса, Беллами, перевернув оружие рукояткой вперед, сунул его в ладонь сына Канцлера.

– Последняя новость, красавчик, – подмигнул Беллами. – Мы тут все – преступники.

Прежде чем Уэллс успел что-нибудь сказать в ответ, к ним вразвалочку подошел Грэхем. Он поглядел на Уэллса, потом перевел взгляд на Беллами, и на его лице появилась кривая улыбка.

– Я согласен с достопочтенным мини-Канцлером, – сказал Грэхем. – Оружие надо спрятать под замок.

Беллами отступил на шаг.

– Что-что? Может, еще тебя ответственным назначить? – Он провел пальцем по луку. – Без вариантов. Я готов охотиться.

Грэхем гнусно рассмеялся.

– Интересно, на кого это ты собрался охотиться? На девчонок с Уолдена с низкими стандартами и еще более низкой самооценкой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.